
ОГОНЕК
7

МАРТ **КАЛЕНДАРЬ «ОГОНЬКА»** МАРТ

80 лет назад царь — «первый помещик России» — принужден был подписать манифест об освобождении крестьян. Но, отменив крепостную зависимость, царь и помещики ограбили крестьян, лишив их земли. Крестьяне заплатили помещикам выкуп за свое «освобождение» около двух миллиардов рублей и так же, как раньше, тянули барщину у помещиков, умирали с голода в частые неурожайные годы.

Лишь в октябре 1917 года с помощью своего союзника-пролетариата крестьяне получили настоящую свободу и землю.

Помещик. Что ты, мужичок, на одной ноге стоишь?
Крестьянин. Да другую, вишь, поставить некуда: везде вашей милости землица.

Исполнилось 70 лет академику Борису Григорьевичу Галеркину. Это крупнейший ученый, глава советской школы строительной механики, известный специалист по теории упругости, автор большого количества научных работ, напечатанных в Советском Союзе и заграницей. Борис Григорьевич — директор Института механики Академии наук СССР. С 1936 года — председатель экспертной комиссии по конструкциям Дворца Советов.

20 лет назад, после победы над меньшевиками, на съезде Советов Абхазии провозглашено было образование Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики, входящей в Грузинскую ССР. Прекрасный климат, солнце, море, курорты привлекают в Абхазию тысячи туристов. В глубь страны идут горы, изрезанные ущельями и заросшие лесами. Раньше они были почти необитаемы, но теперь поезд повезет вас в горы на Ткварчельские угольные разработки.

За выдающиеся успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства Абхазская АССР награждена орденом Ленина.

Мандариновые плантации близ Сухуми.

Рисунок худ. П. Васильева. «В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов с делегатами X съезда партии».

20 лет назад открылся X съезд Российской коммунистической партии (большевиков) — первый съезд нашей партии после окончания гражданской войны. Он проходил в исключительно тяжких условиях. Страна была измучена войной, голод и разруха терзали ее. Враги, пользуясь обстановкой, пытались взорвать партию изнутри, но съезд под руководством Ленина положил предел их попыткам. Решение съезда о переходе от продразверстки к продналогу, о переходе к новой экономической политике дало начало накоплению сил и средств, которые необходимы были для построения социализма.

75 лет назад в Москве родился выдающийся физик Петр Николаевич Лебедев. В 1901 году был опубликован цикл его знаменитых опытов, впервые доказывающих экспериментальным путем давление света. В 1911 году, в знак протеста против действий царского министра Кассо, вместе с передовыми профессорами П. Н. Лебедев покинул университет. Свои опыты он вынужден был продолжать в маленькой частной лаборатории. В марте 1912 года он умер от болезни сердца.

8 МАРТА
Международный коммунистический женский день.

Исполнилось 675 лет со дня рожденья флорентийской девушки по имени Беатриче Портинари. Она не прославилась ни острым умом, ни ученостью, ни необыкновенной красотой, но имя ее не забыто до сих пор. Ее любил Данте! Девятилетним мальчиком он увидел ее маленькую Биче, и с этой минуты любовь жила в его сердце до последнего часа жизни. Но чувство его было так сильно и в то же время так скромно, что он не решался даже приблизиться к ней. Он лишь воспевал ее в своих стихотворениях. Памятником Беатриче стала его «Божественная комедия», гениальнейшее произведение литературы средневековья и первое произведение нового времени.

«Сон Данте». С картины Данте Габриеля Россети.

490 лет назад во Флоренции родился мореплаватель Америго Веспуччи. Будучи на службе у испанского и португальского правительств, он исследовал несколько островов и побережье Бразилии. В письмах к знакомым он описывал открытые им страны и называл их Новым Светом. Письма его получили широкое распространение и попали к немецкому географу Мартину Вальдземюллеру, который предложил назвать страны, открытые Америго Веспуччи, «Страной Америго». Название понравилось географам своей звучностью, и вскоре в Кельне появилась карта под названием «Terra America», обозначающая Южную Америку. В 1541 году это название было распространено на обе половины Нового Света.

Америго Веспуччи. По старинному изображению.

10 МАРТА
80 лет со дня смерти Тараса Шевченко.
см. в тексте

НА ОБЛОЖКЕ: слева направо, 1-й ряд — профессор О. Б. Лепешинская; инженер-машинист В. Т. Шаповалова; артистка-орденоносец З. А. Федорова; 2-й ряд — литовская поэтесса Соломея Нерис, депутат Верховного Совета СССР; начальник Московской Окружной дороги орденоносец З. П. Троицкая; Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, депутат Верховного Совета СССР; артистка Московского Центрального театра транспорта Л. А. Виноградова; 3-й ряд — отличница Ремесленного училища № 5 токарь В. С. Артамонова; знатная ткачиха-орденоносец Е. В. Виноградова, депутат Верховного Совета СССР; ткачиха-стахановка Ташкентского текстильного комбината имени Сталина Мухабат Насырова; звеньевая-орденоносец М. Ф. Пилипенко; 4-й ряд — артистка-орденоносец О. В. Лепешинская; военврач 3-го ранга орденоносец П. А. Ковалинская; народный комиссар социального обеспечения РСФСР А. П. Гришакова; депутат Верховного Совета СССР орденоносец Т. В. Федорова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

19-й ГОД ИЗДАНИЯ

Выходит 3 раза в месяц.

№ 7 (730)

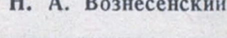
Среда, 5 марта 1941 года.

В НОМЕРЕ:

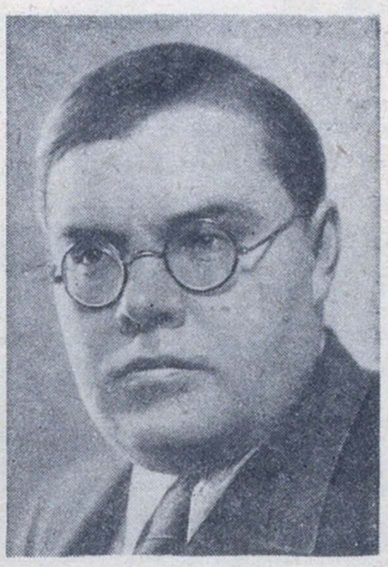
КАНДИДАТЫ В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б),

избранные на Пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся 21 февраля 1941 года.

Н. А. Вознесенский.

А. С. Щербаков.

Г. М. Маленков.

ЧЛЕНЫ ЦК ВКП(б),

избранные на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б).

Г. М. Попов.

Н. С. Патоличев.

В. Г. Деканозов.

В. П. Пронин.

М. А. Суслов.

О. В. Куусинен.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

И. Ф. Мальцев — токарь паровозного депо станции Кушва (дорога имени Кагановича), — выполняет норму до 800 процентов.

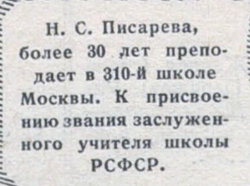

А. А. Фомин (слева) и Г. И. Голышев. Достигли на аэростате „СССР-ВР79“ высоты 12 133 метра.

С. Д. Симонов — кузнец завода имени Калинина (Свердловская область), — выполняет норму до 1240 процентов.

М. Д. Кодубинский — один из старейших грузчиков одесского порта. К 40-летию непрерывной работы в порту.

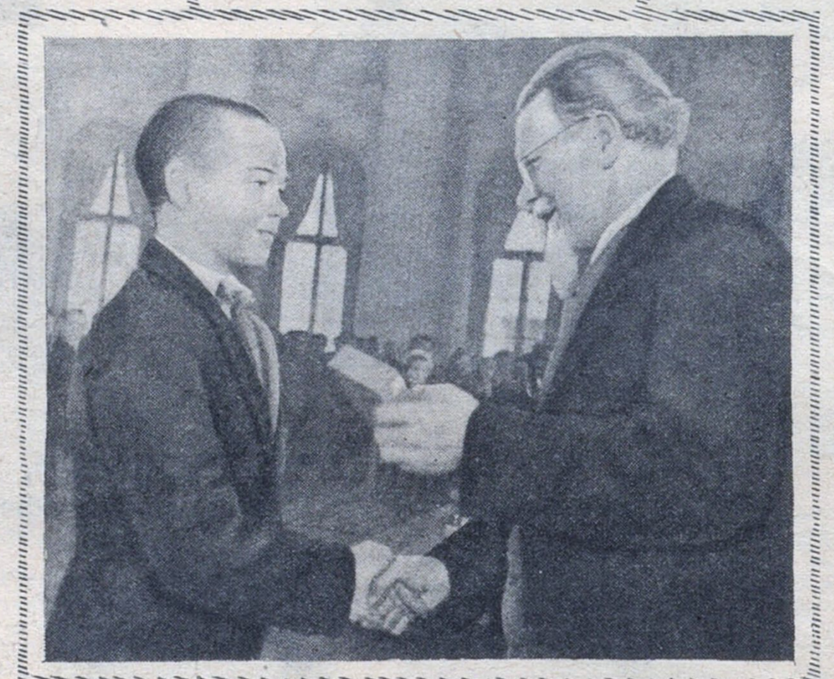

Н. С. Писарева, более 30 лет преподает в 310-й школе Москвы. К присвоению звания заслуженного учителя школы РСФСР.

Нурпеис Байганин — народный акын, заслуженный деятель искусств Казахской ССР. К награждению орденом „Знак почета“.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручает медаль „За боевые заслуги“ пионеру Алексею Митрофанову, ученику средней школы города Кемь (Карело-Финская ССР).

Академик А. С. Орлов — один из крупнейших специалистов по истории русской литературы. К 70-летию со дня рождения.

Лейтенант А. П. Фролов вручает красноармейцу С. С. Скубченко боевое оружие. С. С. Скубченко прибыл в Н-скую часть погранвойск на место брата, лейтенанта И. С. Скубченко, геройски погибшего при охране государственной границы.

Командующий войсками Московского военного округа генерал армии И. В. Тюленев принимает рапорт генерал-майора Героя Советского Союза Д. Д. Лелюшенко о начале Всеармейского лыжного кросса имени С. К. Тимошенко.

СМЕРТЬ ЖАННЕТ

Илья Эренбург

Все последние недели Жаннет казалась озабоченной, рассеянной. На самом деле она ни о чем не думала, ничем не интересовалась. Ее дни напоминали полузабытье тяжелобольного. Пустота, которую она почувствовала после разрыва с Бессером, была плотной, душной, непроницаемой.

Жаннет продолжала работать в студии. Кругом говорили о военных событиях, вырывали друг у друга последний выпуск газеты, ругались, надеялись. Жаннет не прислушивалась к разговорам. Как всегда, обманчиво-значительным голосом она расхваливала пилюли или ликеры, а потом повторяла перед микрофоном высокие, никому не нужные слова: дерево, тишина, ветер. Она давно перестала отличать стихи от реклам. Да и то, что говорили до нее дикторы, казалось ей не то старыми стихами, не то рекламой какой-то странной фирмы: «Потоплено регистровых брутто-тонн... Замечены масляные пятна... Сбиты четыре истребителя... В районе Арраса отбиты атаки моторизованных колонн... Наши части заняли новую оборонительную позицию...»

В воскресенье она бродила до вечера, стараясь забыться среди шума и суеты. Был чудесный день, и парижане заполнили Булонский лес, играли в теннис, гребли; на тенистых террасах кафе тянули зеленую мятную настойку или золотистый оранжад. Малыши лепили из песка замысловатые пирожные. Жаннет увидела нарядного дрозда; он прихорашивался клювом. Она уныло сказала «дрозд» — и птица улетела. В одной из темных аллей Жаннет обогнала парочку: солдат и девушка в розовом платье, веснушчатая, доверчивая. У солдата было по-детски важное лицо, черные усики. Он держал в руке каску. Девушка плакала. Он говорил: «Все кончится хорошо, увидишь...» И Жаннет позавидовала: какое это счастье — так расстаться! Ведь она осталась без надежды, без слез, даже без грусти.

В понедельник Жаннет просидела все утро дома с закрытыми ставнями: не хотелось видеть света. А выйдя днем на улицу, она обомлела: Парижа нельзя было узнать. Все магазины и кафе были заперты, на дверях белели листочки; дрожащей рукой было выведено «Закрыто». Возле некоторых домов суетились люди, забивали щитами окна, выносили чемоданы, узлы, наскоро сложенные пакеты. Трудно было перейти улицу: непрерывной цепью двигались автомобили. На кузовах лежали тюфяки. Из машин выглядывали перепуганные, заплаканные лица. Перед Министерством пенсий стояли грузовики: вывозили мебель: столы, шкапы, конторки. Старая женщина глухо, как граммофонная пластинка, повторяла: «Возьмите и меня! Возьмите и меня!» Жаннет в ужасе спросила:

— Господи, да что же это?..

Старуха тупо на нее поглядела:

— А вы не знаете? Немцы в Руане.

Она уронила кошолку; оттуда все посыпалось: моток шерсти, полотенце, свечи, апельсины. Старуха заплакала. Заплакала и Жаннет.

Надо что-то делать! Сейчас они придут, будут бросать бомбы, стрелять!.. Жаннет заметалась. И вот с этой минуты ее больше не стало: еще одна щепка неслась по отчаявшимся, смутным улицам. На минуту остановившись, Жаннет подумала: «Куда же мне ехать?..» Встал бездушный Лион, старческий оскал отца. Потом она вспомнила Флери, синюю листву виноградников, жаркий день, тишину — только мухи жужжат... И Жаннет захотелось жить, сильно, как никогда. Жизнь, бывшая к ней такой немилостивой, показалась лакомой. Уехать!

Она добралась до Лионского вокзала. Еще издали она увидела широкую улицу, забитую толпой. К площади нельзя было подойти. Цепи полицейских едва сдерживали народ.

— Сволочи! Сами убежали, а нас оставили!

— Изменники!

— Мы-то в мышеловке!..

Полицейские неуверенно отвечали, что вечером будут поезда. Толпа не редела. К обеду люди проголодались, обессилели. Стали искать, где еще открыты лавчонки. Примостившись на тротуарах, закусывали. Выглядело это, как огромный табор. Старый рабочий, акуратно отрезав ломоть хлеба и несколько кружочков колбасы, сунул еду Жаннет. Она хотела поблагодарить, но ничего не могла вымолвить, только пошевелила губами. И есть она не могла. Ей казалось, что у нее жар. Так она просидела всю ночь на ступеньке лестницы. Ушло два поезда; она на них не попала. Утром, чуть рассвело, новые толпы заполнили квартал. Но поездов больше не было.

Жаннет побрела по улице; дошла до набережной. Теперь ее изумленные невидящие глаза никого не поражали: такие глаза были у всех. Прохожих останавливали: спрашивали, где достали чемодан или ручную тележку; де-

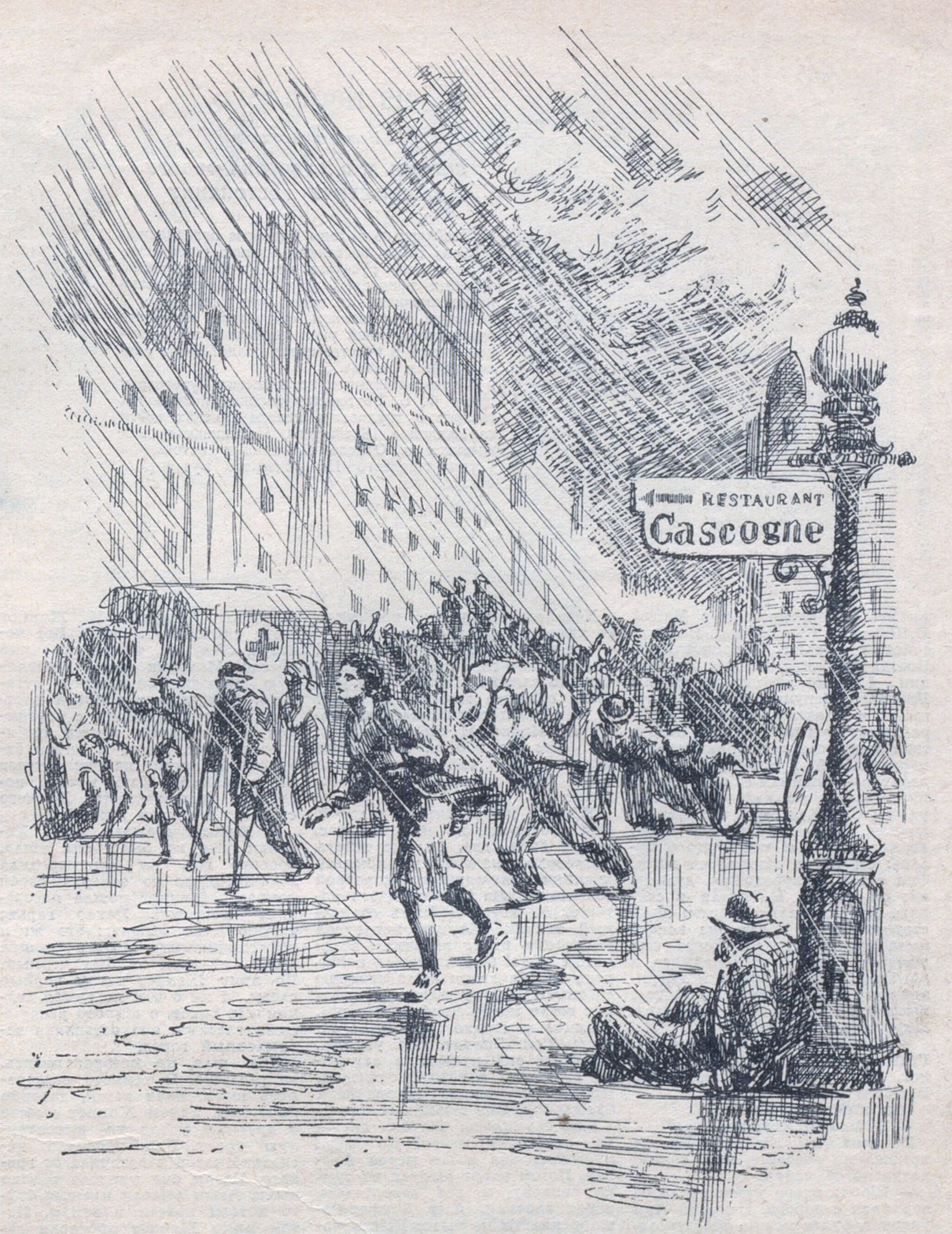
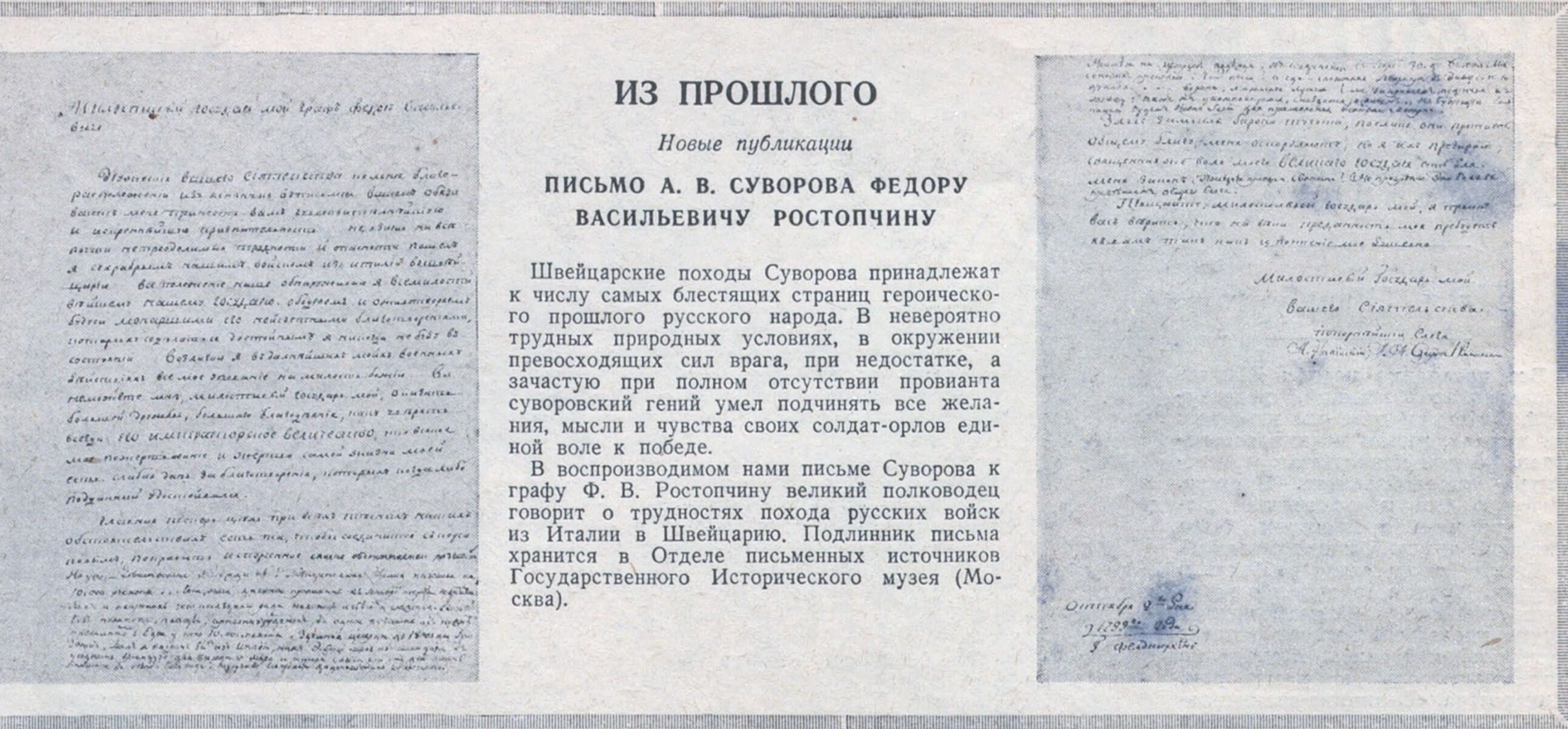

Рисунок худ. Ю. Цишевского.

Глава из 3-й части нового романа «Падение Парижа».

ИЗ ПРОШЛОГО

Новые публикации

ПИСЬМО А. В. СУВОРОВА ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ РОСТОПЧИНУ

Швейцарские походы Суворова принадлежат к числу самых блестящих страниц героического прошлого русского народа. В невероятно трудных природных условиях, в окружении превосходящих сил врага, при недостатке, а зачастую при полном отсутствии провианта суворовский гений умел подчинять все желания, мысли и чувства своих солдат-орлов единой воле к победе.

В воспроизводимом нами письме Суворова к графу Ф. В. Ростопчину великий полководец говорит о трудностях похода русских войск из Италии в Швейцарию. Подлинник письма хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (Москва).

лились новостями: они в Манте... В Шантии... Еще ближе... На Елисейских полях парашютисты!.. Поезда уходят с вокзала Аустерлиц... Нет, не уходят... Продали!.. Продали!.. Девушка жадно ела рогалик и плакала. Проехал генерал. Старичок поглядел на него и тоненьким голоском крикнул: «Доигрались!» А в переулке ревела девочка, прижимая к себе огромную безголовую куклу. На углу улицы Сан-Жак была открыта булочная. Жаннет услышала запах свежего хлеба и как будто очнулась: ей снова захотелось жить. Она стала лихорадочно думать, что ей делать. Побежала в студию. Ворота были заперты: даже сторож уехал. Тогда она вспомнила про Марешаля. Когда она вбежала к нему, он запихивал в чемодан книги, термос и негритянского божка; божок не влезал, высовываясь, хитро улыбался. Марешаль рассказал:

— Купили вскладчину машину. Гранде ищет бензин. Если достанет, через два часа тронемся. Возьмем и тебя.

Она обрадовалась:

— В Флери. Хорошо?

Бензина не достали. Гранде пришел на рассвете, весь серый, несвязно объяснял:

— Шарль вчера утром уехал. И вернулся с дороги. Пешком. Луи уверяет, будто можно достать лошадь. Лошадь — самое верное. А на Пер-Лашез поставили орудия, я сам видел. Все возвращаются. Или сидят на дорогах... Бензина нет, черт бы их побрал! Говорят, будто Америка завтра объявит войну. Не верю...

Марешаль кричал:

— Ни газет, ни радио! Все удрали. Ты понимаешь, что это такое: бросили Париж!..

Потом, отдышавшись, он сказал Жаннет:

— Придется пешком...

На минуту Жаннет оживилась, даже обрадовалась: что-то проснулось ребяческое — уйти в Флери пешком!.. Она побежала к себе:

— Другие туфли надену, в этих не дойти.

Оживление быстро прошло. Страшная суета улицы, где еще гудели автомобили, где люди кричали, ругались, плакали, навела на нее тоску. Куда бежать? Да и зачем? Ей всюду будет плохо.

Хозяйка гостиницы встретила ее как близкого человека:

— Вот хорошо, что не уехали! Ведь никого не осталось. Паника. Стыдно глядеть! Почему они убегают, скажите мне на милость? В четырнадцатом немцы тоже были на Марне. И тогда удирали. Но они не вошли. Молочница мне сказала, что сегодня привезут сорок дивизий. Значит, отгонят.

Жаннет молча кивала головой. Она просидела, не двигаясь, час, может быть, два. Солнце теперь нагревало маленькую комнату хозяйки, служившую конторой гостиницы. На камине играл котенок: он хотел поймать солнечный зайчик. Жаннет поглядела на него и вдруг вскочила: только бы жить! Она побежала к Марешалю. На двери была записка: «Жаннет! Я буду ждать до четырех возле метро Денфер-Рошеро». Жаннет в страхе поглядела на часы. Три. Значит, она успеет... Зачем-то она купила в случайно открытом магазине одеколон. Приказчик долго заворачивал бутылочку. Она молила: «Скорее!»

Как случилось, что она спутала остановку метро? До пяти прождала она возле метро Алезия. Потом вдруг вынула из сумки записку, и все завертелось перед глазами. А у Денфер-Рошеро никого не было. Шесть часов. Ее бросили — как Париж... Она побежала на почту — заперто; да и все заперто. Телефон она нашла только у себя в гостинице. Она позвонила Дессеру. Теперь не до чувств! Он ее вывезет. Никто не ответил. Вытащив записную книжку, она звонила по всем номерам, даже не задумываясь, кому звонит. Раздавались монотонные гудки. И в ужасе Жаннет сказала: «Никого!» А хозяйка успела повидаться с шурином, тот ей сказал: никаких сорока дивизий, город сдадут. С севера доносилась канонада. Услышав «никого», хозяйка всплеснула руками и начала суматошно собираться.

Жаннет поднялась к себе. Она долго стояла у окна. По длинной улице все шли и шли люди. Некоторые толкали ручные тележки; там лежал скарб; иногда на тележке сидела старуха или тявкала собачонка. Все ставни были закрыты наглухо. И Жаннет снова сказала: «Никого!» Вот человек, обезумев, тащит на спине кресло. Мальчик несет деревянную лошадь: не захотел оставить. Старушка с птичьей клеткой. Человек в пенсне, с портфелем и с кошкой; кошка вырывается, орет. Везут в тачке бабушку. Женщина на руках несет двух малюток. Еще мчатся последние велосипедисты. До чего страшно в пустом городе!..

И Жаннет сбежала вниз. Хозяйки уже не было: она ушла, бросив все, не предупредила Жаннет, даже не заперла своей комнаты. Жаннет пошла посередине мостовой. Пахло гарью; трудно было дышать: это жгли нефтехранилища. Потом пошел дождь, от гари он был черным. По лицу Жаннет текли черные слезы. И ни о чем не думая, подчиняясь толпе, с широко раскрытыми глазами, она оставляла зачумленный город.

Она шла, не останавливаясь, до рассвета. В темноте раздавались шаги, плач детей, далекие выстрелы. Утром Жаннет вместе с другими упала на вытоптанную траву. Она проспала несколько часов и вскочила от грохота. Вдали она увидела облако пыли. Люди лежали плашмя, будто хотели врасти в землю. Потом мимо Жаннет пронесли девочку; у нее был распорот живот.

Жаннет прошла еще двадцать километров. Больше не было сил; горели ноги; мучил голод. В деревушке, куда они пришли, жителей не было: все убежали. Люди стояли перед закрытой лавкой. Кто-то крикнул:

— Да что тут!.. У меня дети второй день не ели...

Лавку разгромили. Летели бутылки, жестянки. Старуха вся измазалась в варенье. Рабочий дал Жаннет коробку консервов и бисквиты. Жаннет боялась отстать от людей, с которыми шла раньше, даже не от людей — от отдельных примет: от косм старухи, от матроски мальчика, от тачки с гремевшим на ней чайником. Она побежала вдогонку и на ходу жевала.

В другой деревне еще было несколько крестьян. Женщина, у которой Жаннет попросила воды, злобно сказала:

— Это вам не Париж! Давайте франк, достану воды.

Мужчина пристально поглядел на нее и крикнул:

— Звери!

Потом все загудело. Люди заметались, попадали на землю. Жаннет обдало теплой пылью. Когда она пошла дальше, долго слышался истошный крик женщины: у нее убили мужа.

Повстречали солдат. Они стояли возле дороги. Беженцы спрашивали: где немцы? Будут ли защищать левый берег Луары? Солдаты в ответ ругались:

— Дерьмо! Кто их знает?.. Полковник уехал в Лион. Говорят, немцы на левом берегу. Тогда нам крышка. Очень просто! Даладье за это пять миллионов получил. Разыграно, как по нотам... Ах, подлецы! Убить их мало!

Один, крохотный, с огромным бинтом вокруг головы, подбежал к Жаннет и стал кричать:

— За Испанию — раз! За чехов — два! А кому платить? Я плачу. Они в Бордо укатили. Ты мне скажи: сколько человек может терпеть?

Жаннет поглядела на него и беззвучно ответила:

— Много.

Ночью беженцы приютились в церкви. Пахло ладаном и сухими цветами. Рядом с Жаннет мать бережно кормила грудью ребенка. Старуха возле алтаря стонала. К утру она притихла. Когда сквозь цветные стекла пробились малиновые лучи, она лежала неподвижно, и острый нос глядел в купол: уснула или умерла — никто не знал. Жаннет, сидя, дремала. В полусне проносились обрывки воспоминаний; чаще всего она видела июньскую ночь, когда шла по узким улицам с Андре, голубого слона карусели, фонарь и поцелуй под широким каштаном. Неужели это было на самом деле?..

Все зашевелились и кряхтя двинулись дальше. Только старуха осталась в залитой солнцем беленой церковушке.

Около полудня с холма Жаннет увидала Луару: блеснула вода, и Жаннет подумала: значит,

(Окончание см. на стр. 18).

Страницы прошлого

Ванда Василевская

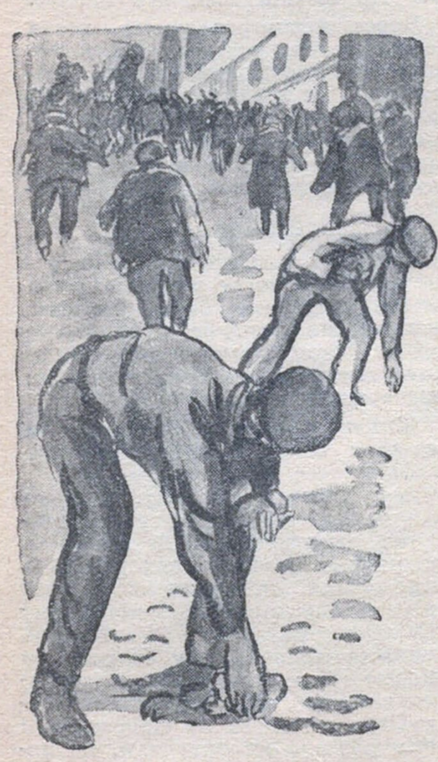
ИЛЛЮСТРАЦИИ Л. БРОДАТЫ

VI*

Польское правительство все больше урезывало права рабочих, отбирало все то, что они успели завоевать в первые бурные дни образования государства.

Одним из таких завоеваний были больничные кассы. Правительство решило лишить больничные кассы самоуправления и захватить их в свои руки. В кассы были назначены правительственные комиссары. Эти комиссары стали сводить к нулю медицинскую помощь трудящимся.

В ответ на этот шаг правительства была объявлена забастовка. Забастовка сорвалась. Рабочие не питали доверия не только к правительству, но и к организаторам забастовки. Но в Кракове, который всегда охотно принимал участие во всякой революционной борьбе, состоялась огромная демонстрация. Тысяч пятнадцать человек собралось у рабочего дома. Начался митинг.

Теперь убегала полиция.

Полиция устроила засады в соседних улицах, в подъездах домов, во дворах и внезапно, по сигналу, бросилась на толпу.

Я никогда не забуду этого зрелища: убегающие люди ежеминутно нагибались, чтобы поднять камень, выковырнуть булыжник из мостовой, выломать кусок асфальта. А потом убегающая толпа вдруг останавливалась, поворачивала назад и переходила в атаку. Теперь убегала полиция: на нее градом сыпались камни. Толпа бежала, летели камни и возгласы. И опять полиция оборачивалась и гнала убегающих, избивая их саблями и резиновыми палками.

...В длинной очереди перед воротами тюрьмы.

Толпа отступала до тех пор, пока опять не вооружалась камнями. Тогда она снова бросалась на полицейских. Полиция не стреляла: правительство боялось разжечь борьбу.

С жалобным звуком своих маленьких труб подъезжали кареты скорой помощи — на них укладывали раненых полицейских. Раненые демонстранты прятались в домах. Они знали, что кареты скорой помощи отвозят в больницу, а там легко попасть в руки полиции.

Начались многочисленные аресты. Нужно было помочь тем, кого посадили в тюрьму, и их семьям.

Мы стали собирать среди рабочих деньги. Каждую субботу можно было передавать в тюрьму продовольственные посылки. Нужно было закупать продукты, заворачивать сорок пакетов и доставлять все это в тюрьму.

Каждую субботу я стояла в длинной очереди перед воротами тюрьмы, ожидая, пока часовой соблаговолит их открыть и принять принесенные пакеты.

Я познакомилась тогда с разными людьми: женами, матерями, детьми политических и уголовных заключенных. Я знала, кто кому приносит передачу, какие у кого огорчения и заботы.

У меня самой забот становилось все больше и больше. Однажды ко мне пришел перепуганный человек: он проходил мимо тюрьмы, из окна выбросили записочку... Он ужасно боялся, но считал, что записку нужно отнести. Он быстро сунул ее мне в руку и исчез.

Записка была крошечная, испачканная и измятая. Я с трудом смогла разобрать, что в ней написано.

«И просим вас, товарищи, скоро первое мая, так пришлите нам что-нибудь красное, чтобы мы тоже могли праздновать...»

Я долго раздумывала, как выполнить эту просьбу товарищей. Наконец, вложила в пакеты с сахаром по одной красной бумажной гвоздике, какие обычно у нас прикалывают первого мая. Обнаружат стражники — что ж делать! А может быть, как раз и не обнаружат?

Через несколько дней я опять получила из тюрьмы записку — тоненький жгут папиросной бумаги.

«...И мы все прикололи гвоздики и так вышли на прогулку. И нас за это посадили в карцер и на две недели лишили передач. Но мы не жалеем».

Он стоял по другую сторону обтянутой сеткой перегородки.

Мои подопечные в тюрьме нашли, повидимому, какие-то пути для переписки, потому что я все чаще стала получать от них вести:

«Я болен и прошу, чтобы вы пришли ко мне на свидание».

Устроить свидание было не так просто. Я стала скитаться по разным судьям и прокурорам. Часами выстаивала в коридоре, возвращалась в одно и то же место по десять раз. Упрямо требовала свидания. Наконец, я получила разрешение и пошла в тюрьму, чтобы повидаться с человеком, которого никогда раньше не видала.

Он стоял по другую сторону обтянутой сеткой перегородки. Я едва могла различить черты его обросшего, опухшего лица. Да, наверно, он был болен, этот, знакомый мне до сих пор только по фамилии, рабочий. Я могла его успокоить: мы позаботились о его старушке-матери, пусть он о ней не тревожится.

После этого первого свидания легче было получать следующие. С этих пор я много раз проходила по длинному тюремному коридору для того, чтобы стать за сеткой и поговорить с незнакомым человеком.

Прежде всего им нужны были вести о семьях, но кроме того их как-то духовно поддерживало то, что они могут хоть несколько минут поговорить с кем-то, кто пришел с воли.

— А меня забрали босиком. Летом-то ничего, но теперь уже очень холодно. Так, может быть, вы раздобыли бы мне какие-нибудь ботинки?

— Который номер вам нужен?

Молодой парень там, за сеткой, жалобно поморщился:

— Номер... Номер... Сорок пятый, знаете ли...

Я остолбенела: разве существуют вообще такие огромные ботинки?

Начались мучительные поиски. Я стала расспрашивать знакомых:

— Нет ли у вас случайно старых ботинок? Мне нужно для тюрьмы.

— Ботинки? Может быть, и найдутся... Сорок второй номер...

Я только вздыхала. На три номера меньше... Да, ботинки были. Сороковой, сорок первый, сорок второй. Каким чудом этот парень ухитрился иметь такие огромные ноги?

Понемногу это превратилось у меня в настоящую манию. На заседаниях, на собраниях, на улице я прежде всего смотрела на ноги людей. Нет, ни один ботинок не был похож на сорок пятый номер. Я останавливала совершенно незнакомых рабочих, — хотя, собственно, ни один рабочий в Кракове не был для меня чужим, все

*Продолжение. См. «Огонек» №№ 3, 4, 5, 6.

Гегам Сарьян

РЕБЕНОК-МУЗЫКАНТ

Играет девочка — ребенок-виртуоз,
Играет девочка, влюбленная в рояль,
Трепещут клавиши, и мнится: капли рос
Кропят усладою сердечную печаль.
— Твой труженик-отец поработил
металл
И камень покорил упорною борьбой.
Твой труженик-отец героем ныне стал:
Он строит новый мир. Для нас,
для нас с тобой.
Он строит жизнь для всех, а ты играй,
дитя,
Ребенок-виртуоз, цветок родных полей,
Нас музыка ведет, в грядущее летя;
Ты ливень звуковой на сердце мне
пролей.
Мы вышли из сырых подвалов нищеты,
Твой труженик-отец в гнилых трущобах
рос
И строит новый мир. Счастливей
предков ты,
Играй, играй, дитя, малютка-виртуоз.
Нам нужно много знать, и чувствовать,
и жить,
Еще везде у нас дел непочатый край.
Искусство будет нам на струнах
ворожить,
Играй же, маленький маэстро мой,
играй!

СОВЕТ

Смерть — не худшая из потерь,
Друг, товарищ мой дорогой,
Не она погибель, поверь,
Человека с живой судьбой.
Бойся лишь одного, мой друг:
Жить на нашей земле и знать,
Что, живя, никому вокруг
Ничего не сумел ты дать.

Перевела с армянского
В. ЗВЯГИНЦЕВА

меня знали, — и спрашивала, какой номер обуви они носят. Сначала на меня смотрели, как на сумасшедшую. Потом уже все знали.

— А, для этого Саёса? Нет, нет, у меня сорок второй...

Я уже потеряла всякую надежду, когда однажды один каменщик с триумфом принес мне пару ботинок. Они были похожи на подводные лодки.

— Я купил на толкучке!

Я сейчас же отправилась с добычей в тюрьму. Вскоре я получила испачканную цыдульку от моего подопечного:

«За ботинки большое вам спасибо. Правый немножко жмет, но это ничего!..»

Спустя некоторое время несколько человек освободили. Все меньше пакетов нужно было таскать к тюрьме, все меньше семей в предместьях посещать. Кончались и деньги, хотя, когда дело касалось помощи заключенным и их семьям, рабочие всегда давали все, что могли.

Дольше всех сидел Шибяк, тот, у которого я первый раз была на свидании. Он сидел больше года, вышел из тюрьмы чуть живой. Через четыре года он погиб на улицах Кракова, когда полиция дала залп по толпе демонстрантов.

VII

Меня много раз спрашивали, когда и как я начала писать. Чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось бы возвратиться далеко назад, к самым ранним годам моего детства.

Тогда я начала со сказок. Сказки обязательно были «многотомные». Каждый «том» представлял тоненькую тетрадку из нескольких страниц. Я еще не поступила в школу, когда возникли эти сказки.

Помню, что речь в них шла о королях и королевах, у которых было огромное количество детей, и я всячески изощрялась, подыскивая для этих детей наиболее фантастически звучащие имена.

Когда я покончила со сказками, начались стихи. На всевозможные темы. Потом, в деревне, где устраивались представления, я писала сама — а иногда вместе с приятельницами — коротенькие пьески прозой или стихами. Мы делали костюмы из папиросной бумаги, приглашали детей и взрослых, и представление начиналось.

По возвращении в Краков я начала писать запоем. Стихи следовали за стихами.

Когда мне было пятнадцать лет, я решилась послать два своих стихотворения в одну из варшавских газет, которая каждую неделю давала литературное приложение. Некоторое время спустя я прочла в той же газете ответ, который чуть не свел меня с ума от радости. Я помню его до сих пор:

«Ганне Порембской [1]. «Сонетик» мы поместим. «Золотая роза» после нескольких прекрасных первых строф расплывается в младопольскую [2] болтовню».

Я безумствовала. Ко мне отнеслись как к взрослой: стихи приняли всерьез, одно печатают! Его все-таки не напечатали, так как газета обанкротилась и перестала выходить.

В течение этого и следующего года в различных журналах было напечатано больше дюжины моих стихотворений.

Я только что кончила гимназию, когда мне предложили издать сборничек моих стихов. Я стала его подготовлять, отправила в издательство, но издательство прекратило существование, и сборник не вышел в свет.

Когда я поступила в университет, я совсем перестала писать. У меня были другие дела, другие интересы, я с презрением стала относиться к стихам. И семь лет не писала ничего. Это началось снова, когда я работала вместе с моим мужем в рабочей просветительной организации.

Однажды мой муж, роясь в книгах, сказал:

— Собственно, зачем ты кончала это свое литературное? Поищи-ка чего-нибудь для первомайского праздника, я не могу ничего найти.

Я мысленно пробежала все знакомые мне пьесы и стихи. Но все они были уже многократно использованы, известны и затасканы. Я робко предложила:

— А, может быть, я сама что-нибудь напишу?

Он недоверчиво посмотрел на меня:

— Гм... Лучше поищи... Но если уж тебе непременно хочется...

Это задело меня за живое. Разве я не исписывала некогда стихами целые кипы бумаги?

Я принялась за работу с горячим желанием показать, что я все же кое-что умею. Писала, переписывала и, наконец, сказала:

— Готово!

Он перелистывал странички, читал:

— Знаешь, из этого может кое-что получиться...

Ну и началась работа! Я написала всё: короткий скетч, стихи для индивидуальной и хоровой декламации, первомайский спектакль. Программа была принята. Мой муж прекрасно подготовил ее. Публика восхищалась. Знакомые смеялись; никогда еще не было такого вечера: я написала, муж режиссировал, а исполняли мои друзья — молодежь из рабочего университета.

С этого времени я сделалась присяжным поставщиком материала для всякого рода рабочих празднеств и торжеств.

И однажды, когда я, придя из очереди у тюремных ворот, делилась своими впечатлениями с мужем, Марьян предложил:

— А что, если бы ты попробовала написать об этом?

Я попробовала. Рассказ поместили в рабочей газете в Варшаве. За ним последовал другой: впечатления от Краковской торговой площади, где беднейшая часть населения продавала и покупала одежду и всякую рухлядь. Тем, на которые непременно надо было что-нибудь написать, становилось все больше.

Ужасное положение в ночлежном доме. Мы пошли, осмотрели его. Я написала. Статья вызвала большой шум. В ночлежном доме спешно навели порядок.

Злоупотребления владельца кирпичного завода — я отправилась и туда. Правда, меня сейчас же с позором выбросили за ворота, но я уже успела узнать столько, что смогла написать статью.

Через некоторое время, когда этих рассказов-статей набралось порядочно, я подумала, что, собственно, из этого можно было бы сделать книжку. Так возникла моя первая книжка — «Облик дня». Я хотела в ней показать недолю, нужду и борьбу пролетариата.

Книжка пошла к издателю и пролежала там несколько месяцев, а когда после вмешательства моего отца она была, наконец, напечатана, цензура конфисковала ее. Много позже ее разрешили выпустить с белыми пятнами вычеркнутых мест.

Книжка дошла до читателя и сделала свое. На меня набросилась пресса. Меня ругали за то, что я говорила правду. И в то же время я стала получать отклики от читателей. Я получила письмо от человека, который был на нелегальной революционной работе. Он писал, что, когда ему было очень плохо и тяжело, книжка придала ему бодрость и новые силы для борьбы. Люди говорили мне, что «Облик дня» открывал им глаза на многое, чего они раньше не замечали, не понимали.

Тогда мне стало ясно, что оружием в борьбе, которую ведет пролетариат за свое освобождение, может быть и книга. И когда жизнь ставила передо мной неотложные задачи, когда я видела несправедливость и зло, — я писала книгу, чтобы протестовать, чтобы показать людям правду, чтобы помочь тем, кто борется.

(Продолжение в следующем номере).

Перевод с польского Л. КОН.

[1] Под таким псевдонимом я послала стихи.
[2] Декадентскую.

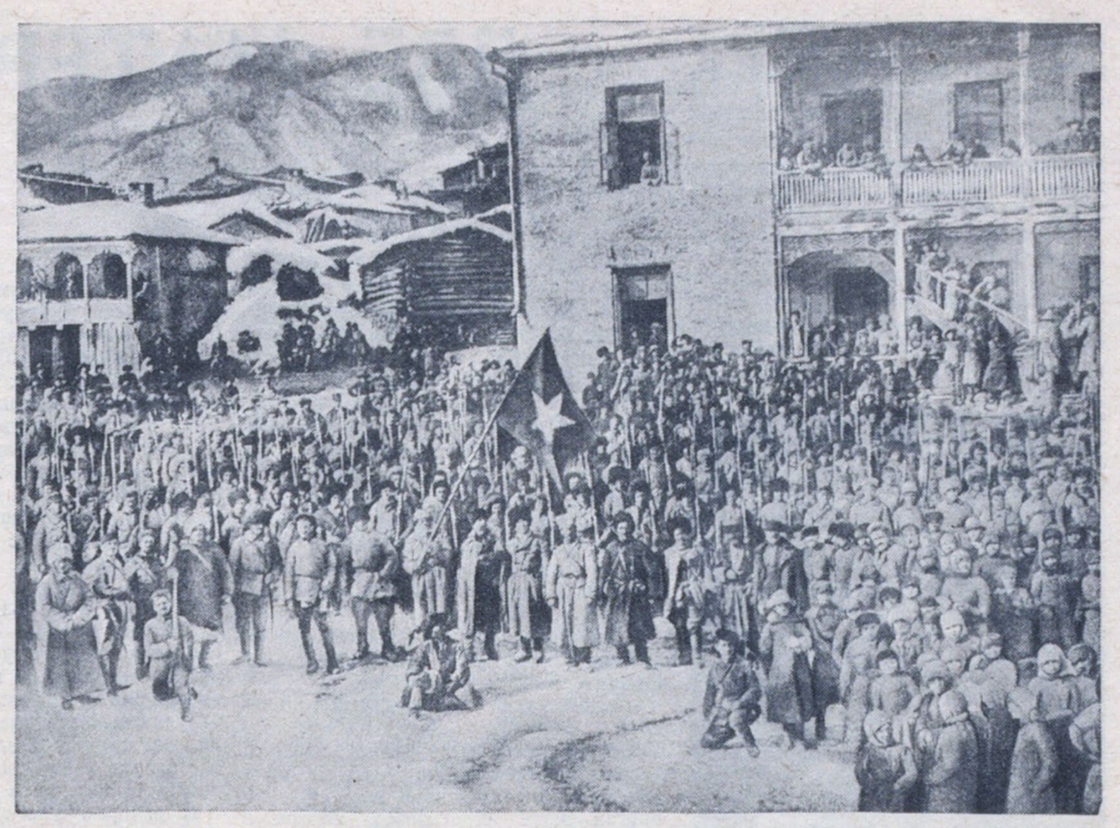
СЛАВНОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

★ ★ ★ ★ ★

Двадцать лет назад, в феврале 1921 года, рабочие и крестьяне Грузии, вдохновляемые Лениным и Сталиным, под руководством товарищей Орджоникидзе и Кирова восстали против меньшевиков и интервентов и с братской помощью героической Красной Армии 25 февраля установили советскую власть в Грузии.

За двадцать лет Советская Грузия достигла громадного подъема во всех областях хозяйства и культуры и стала одной из передовых республик Союза.

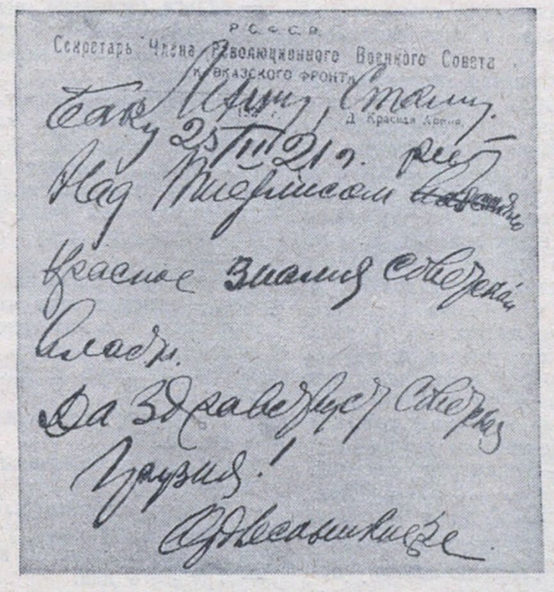
Публикуемые фотодокументы рассказывают о первых днях Советской Грузии и ее столицы — красного Тбилиси.

Дигорский революционный отряд, участвовавший в борьбе за советскую власть в Грузии.

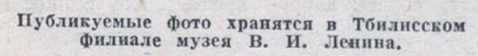
Серго Орджоникидзе. Снимок 1921 года.

Р.С.Ф.С.Р.
Секретарь Члена Революционного Военного Совета Кавказского фронта

Баку Ленину, Сталину.
25/II 21 г.
Над Тифлисом реет красное знамя Советской власти.
Да здравствует Советская Грузия!
Орджоникидзе

Телеграмма С. Орджоникидзе В. И. Ленину и И. В. Сталину об установлении советской власти в Грузии. 25 февраля 1921 года.

Публикуемые фото хранятся в Тбилисском филиале музея В. И. Ленина.

С. М. Киров. Снимок 1921 года.

Вступление Красной Армии в Тифлис в 1921 году. Слева: красноармейская часть на одной из улиц Тифлиса, справа: первый парад частей Красной Армии.

ДВЕ МАТЕРИ

Н. Кальма

Еще в такси шофер, поняв из разговора, кто эта подвижная, смуглая женщина, посмотрел в зеркальце, отражавшее пассажиров.

— Мать Павки Корчагина! — кивнул он, когда она легко выпрыгнула из машины и побежала к подъезду, и тут же, не дожидаясь просьбы, выразил готовность ждать нас.

Позвонив, она стала быстро поправлять шаль на голове. Дверь отворилась, и навстречу ей понесся беспорядочный и радостный поток восклицаний, приветствий, поцелуев. Отыскав глазами и сразу узнав ту, которую ей было нужно, перебежала тесноватую переднюю и остановилась.

Ольга Осиповна Островская.

Минуту они стояли, взявшись за руки, и молча глядели друг на друга. «Так вот она, мать этого огромного Маяковского, портрет которого висел у Коли!», «Так вот какая мать у Николая Островского!»

Обе женщины крепко поцеловались.

Вот они, две старые женщины. Много трудились и многое испытали они на своем веку. Родили двух замечательных, прославленных страной сыновей, и сыновей этих уже нет. Общность судьбы заставила их искать этой встречи, потому что им много надо сказать друг другу...

Несмотря на некоторую разницу в возрасте (Маяковская немного старше) они были чем-то похожи и напоминали друг друга, как хата-мазанка в селе Вилии, где родился Островский, напоминала крытый дранкой домик Маяковских в Багдади. Обе маленькие, хрупкие, с темными острыми глазами и быстрыми движениями. У обеих сухие крепкие руки, руки тружениц, знающие иглу и корыто.

Обе с детства привыкли к суровой жизни, обе терпеливо, как птицы, вили гнезда, учили и воспитывали детей, обмывали и обшивали всю семью. Обе рано остались вдовами. Муж Ольги Осиповны был солодовщиком на винном заводе, муж Александры Алексеевны — лесничим.

Ольга Осиповна словоохотлива, говор ее сохранил певучесть и своеобразие волынских крестьян. Александра Алексеевна Маяковская скупей на слова, суровей на вид, сдержанней. Жизнь выработала в ней эту сдержанность.

В сумочке Ольги Осиповны фотография семилетнего белобрысенького Коли в вышитой рубашке.

— Вот какой малесенький хлопчик!

Она показывает, уверенная, что нет человека на свете, который не умилился бы видом этого хлопчика. И другая мать показывает портреты своего сына, и она тоже убеждена, что никто не останется равнодушным перед этим страстным и твердым лицом, перед его всепроникающим взглядом.

И тогда начинается исполненный материнской любви и гордости разговор о сыновьях, об их отношении, о том, как Володя звал «маленькую маму» и писал о ней в стихах, а Коля присылал трогательные письма своей старой голубке. О том, как Володя привез из-за границы матери самовдевающую иглу, потому что глаза у нее стали плохо видеть, а Коля вызывал к себе мать во все трудные минуты жизни. И от этих воспоминаний — и грустных и приятных, потому что они доказывали, как нужна была сыновьям помощь матерей, — обе старые женщины перешли к тому, о чем неизбежно должны были заговорить, — к смерти сыновей.

— Я простая крестьянка, не обижайтесь, коли я вам свой сон расскажу, — сказала Ольга Осиповна.

Речь ее сразу стала по-особому певучей:

— Сплю я у себя дома в Сочи и вижу сон: летят над морем самолеты, много самолетов и шумят-шумят, ушам больно. Понимаю я, что война это началась. Выбегаю из дому, вижу: стоит мой Коля, совсем здоровый, шинель на нем, шлем и винтовка в руке. А кругом него окопы, ямы и колючей проволокой кругом обвито. Я хочу Колю спросить о войне, да понимаю: он на часах стоит, значит, спрашивать его нельзя. Хочу в дом вернуться — ямы все шире, колючая проволока за ноги цепляет, не пускает. Хочу крикнуть — не могу.

Тут я проснулась и думаю: сон нехороший, верно, с Колей в Москве что приключилось. Думаю: пойду за билетами, поеду к Коле в Москву. Собираюсь идти за билетом, а тут вдруг мне письмо от Коли подают. Пишет он, что ему лучше, что скоро он вернется и весной мы будем вместе жить. Читаю, а тоска меня не отпускает. Уговариваю себя: ну, куда ты, старая, поедешь, зачем тебе ехать, раз Коля пишет, что все хорошо? И не пошла я за билетом.

А вечером улеглась я спать (часов одиннадцать уже было), слышу, стучатся:

— Ольга Осиповна, вы спите?

— Сплю, — говорю, а сама по голосу узнаю одного знакомого из горкома.

— Вставайте, — говорит он, — Коле хуже сделалось, мы вас хотим в Москву отправить.

Тут у меня сердце к коленкам подкатило, лежу и только говорю ему, что вечерний поезд уже ушел, а следующего до завтра надо дожидаться.

— Ничего, мы вас на дрезине отправим, — говорит этот человек.

А я знаю, что это трясучка такая, и наотрез отказываюсь. Тогда он подошел поближе к двери, да как скажет:

— Коля умер, нет больше Коли! — и заплакал.

Тут у Ольги Осиповны прерывается голос:

— Вашему сколько было? (она не добавляет «когда это случилось»).

— Тридцать семь. А вашему?

— Тридцать два.

★

— Ну, довольно о тяжелом. Давайте о сегодняшнем, — говорит Ольга Осиповна.

В этих старых женщинах чувствуется очень полное напряжение жизни, горячий интерес к ней и та живость восприятия, которая свойственна только самым молодым. Обе они чувствуют себя нужными своей стране.

Ольга Осиповна только что вернулась из селения Вилия, которое теперь вместе с бывшей Волынской губернией вошло в Западную Украину. Там организуется Музей Островского, и мать его помогала устроить хату так, как это было при ней. Она пишет свои воспоминания о сыне и отвечает тысячам читателей Островского, которые хотят через нее приблизиться к Павлу Корчагину. Ее требуют то экскурсанты музея, то съезд учителей, то молодежь. И она всюду присутствует, ездит, выступает — живая, деятельная, всегда бодрая.

Александра Алексеевна Маяковская.

— Коля сказал бы мне: «Если можешь чем-нибудь помочь людям, что-то рассказать, поезжай».

Александра Алексеевна Маяковская живет более замкнуто и тихо. Но и она весной едет в Багдади, в тот дом у горы, где родился Володя, и тоже будет помогать в устройстве музея. И к ней ездят писатели, художники и просто почитатели Маяковского, которые получают от нее указания, как сделать образ Маяковского наиболее близким правде. Она читает все, что пишут о ее сыне, и сурово критикует за ошибки и за «лакировку».

Глядя на обеих старых женщин, невольно вспоминаешь наиболее характерное у сыновей и понимаешь, откуда у Островского его простота и цельность, у Маяковского его суровая непримиримость и у обоих горячая, всепобеждающая сила жизни.

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ФОТОРЕПОРТАЖА

Елизавете Игнатович совсем недавно была присуждена бронзовая медаль на фотосалоне в Загребе (Югославия), а пять лет назад — медаль на международном фотосалоне в Японии.

Елизавета Микулина получила высшую награду на последнем фотосалоне в Лондоне. Ей же были присуждены ранее медали на фотосалонах в Японии и Голландии.

Ольга Игнатович с большим успехом выступила в прошлом году на Международной этнографической фотовыставке в Бостоне (США). Ее «Мать-казашка» была признана второй лучшей работой на выставке.

Е. Игнатович.

Е. Микулина.

О. Игнатович.

ПРОДОЛЖАЕМ О ТОВАРАХ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Репортаж А. Браилова и И. Петкова.

В ЗАРЯДЬЕ—ДОМ, В ДОМЕ—ТРЕСТ

Стоял в Зарядье дом. В доме помещался райпромтрест Молотовского района. У Райпромтреста были фабрики. На фабриках нужно было делать ведра, корыта, баки для белья, бидоны для молока и керосина, чайники, горелки для примусов.

Так было написано в плане. Взял управляющий трестом план, посидел в тиши, подумал и решил:

— Все это — не то. Нужно сделать что-нибудь особенное.

И построил специальную лампу для хирургических операций, при свете которой предметы не отбрасывают теней. Лампа получилась огромная, страшная. Теней она действительно не отбрасывала. Зато у каждого, кто имел неосторожность к ней приблизиться, появлялся ожог на лице. На заводе для лампы выстроили стойло, большое, крепкое, как для слона. Близко подходить к лампе было опасно. Стали искать покупателя. Искали, искали, нашли где-то за тридевять земель в тридесятом царстве какого-то зазевавшегося почитателя технического прогресса, который купил лампу за полцены.

А трест продолжал работать дальше. Стали делать люстры. Наделали несколько тысяч. Пока отправляли их из Москвы в Ташкент, Ростов, Алма-Ату, получалось неплохо, но вот когда их привезли обратно из всех этих городов, стало тесновато. На складах места не хватило. Свалили в кучу во дворе.

Кого-то сняли. Кому-то дали выговор. Пришли в трест новые люди. Сдали все, что до них было сделано, в переплавку как утиль. Заглянули в план сорокового года. Там все те же ведра и корыта значатся.

Посидели в тиши, подумали, что можно соорудить такое, чтобы себя показать и людей удивить. Вместо горелок для примусов стали делать пуговицы. Хорошая вещь. В каждой палатке от них полки ломятся. Никто и не заметит, если еще несколько десятков тысяч подкинуть.

Вместо ведер стали клепать лейки. Они дороже ведер раза в четыре—пять. Лейки получились огромные, неуклюжие, вместимостью в два ведра. Из такой лейки (см. фото) ранним весенним утром удобно поливать баобаб. Только обыкновенному дачнику, не чемпиону-атлету, такую лейку не поднять.

Корыт выстроили за год три штуки и пошабашили. Скучно. Неинтересно.

Стали изобретать, чем бы еще прославиться. Вместо ведер, баков, корыт начали делать электрические камины. Не беда, что это товар, менее нужный чем простые жестяные изделия, зато работа чистая.

Только успокоились и провели заготовки отходов лавров, чтобы почить на них, как Горторг пристал с ножом к горлу со своим договором. Требует в 1941 году на 1697 тысяч рублей жестяной посуды. Что с ним будешь делать? Дали, чтобы не приставал, на 424 тысячи рублей клопоморов, масленок, чайных ложек и леек. Больше ничего не дали. Нету.

И вот стоит в Зарядье дом, в доме — трест, в тресте сидят управляющий Василий Тимофеевич Стрельников (фото справа) и главный инженер Владимир Петрович Мартынов (фото слева).

Это они должны делать ведра, баки для белья, корыта, бидоны для молока и керосина, горелки для примусов. Но пока не делают. Почему,— неизвестно. Воздух, что ли, у них в Зарядье такой, к излишним умствованиям располагающий?

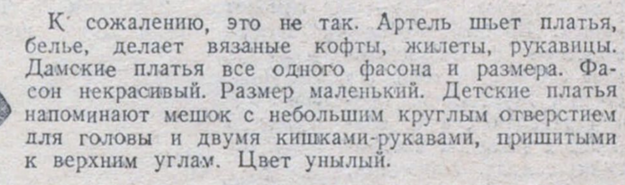
ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

В один ясный предвесенний день, когда лучи солнца уже грели сильнее и с карнизов свешивались сосульки, постоянный технический совет артели «Труд инвалида» собрался на свое очередное заседание.

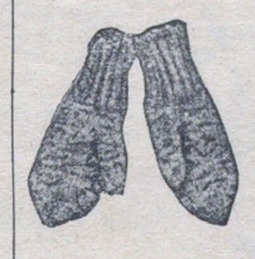
Нужно сказать, что организационная система этого совета составляет такое гармоническое целое, которым нельзя не залюбоваться. Первый член совета, коммерческий директор, выясняет в торгующих организациях наличие спроса. Второй — технорук — обдумывает фасоны. Заведующий плановой группой составляет калькуляции. Начальники цехов распределяют работу по бригадам. Потом все вместе собираются и делают доклад председателю Иосифу Владиславовичу Тарасевичу. Он утверждает.

Ознакомившись с этой стройной системой, можно предположить, что артель выпускает шедевры или, по крайней мере, красивые и удобные вещи, которые москвичи раскупают нарасхват со слезами благодарности.

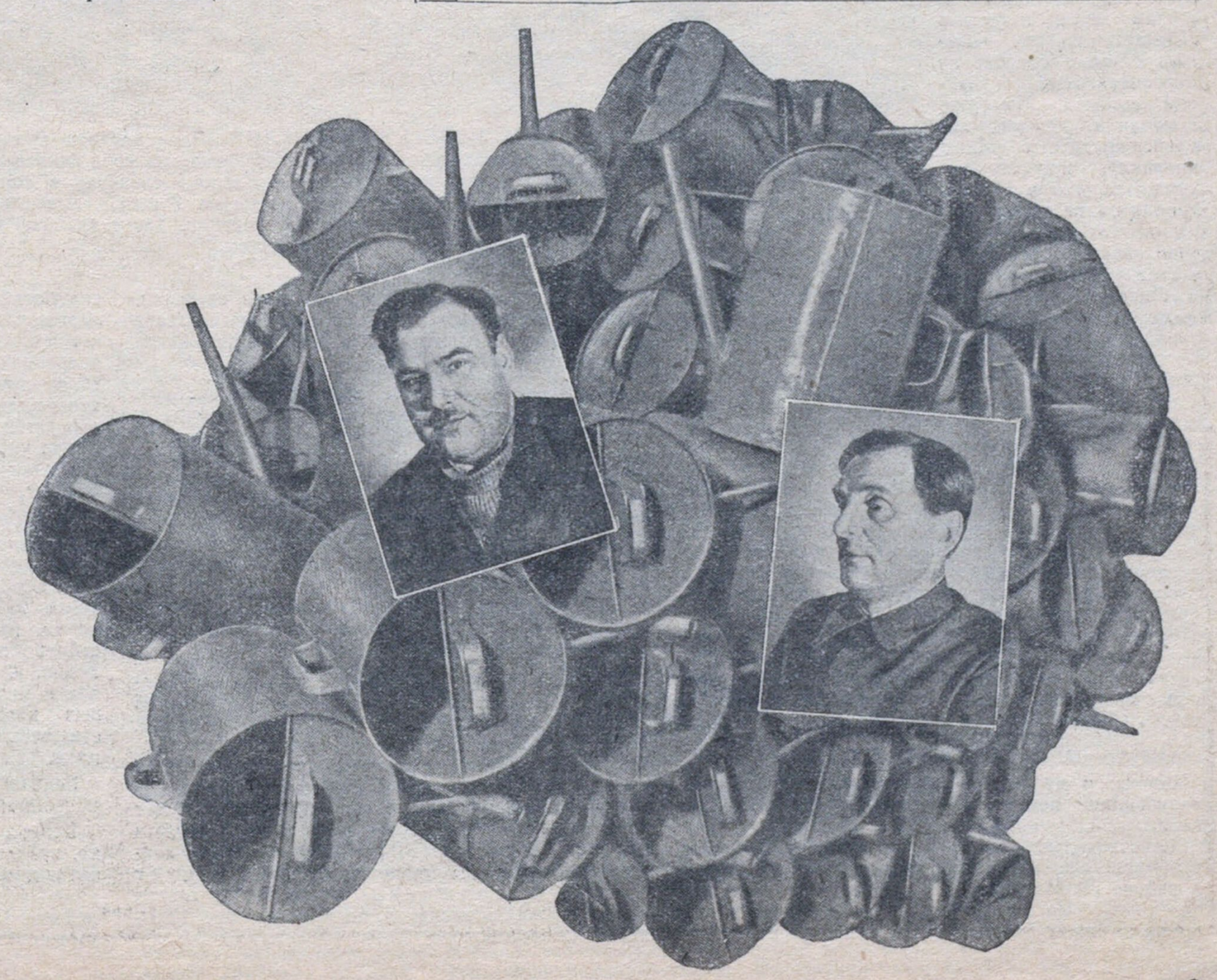
К сожалению, это не так. Артель шьет платья, белье, делает вязаные кофты, жилеты, рукавицы. Дамские платья все одного фасона и размера. Фасон некрасивый. Размер маленький. Детские платья напоминают мешок с небольшим круглым отверстием для головы и двумя кишками-рукавами, пришитыми к верхним углам. Цвет унылый.

Зато рукавицы для взрослых, вещь, которая по назначению своему должна быть темной и немаркой, почему-то делают веселенькими: белые в зеленую крапинку.

Но не о фасонах и расцветках говорили на постоянном техническом совете артели во время того весеннего заседания, о котором мы упомянули вначале. Решался кардинальный вопрос: продолжать выпуск фланелевых платьев или приостановить?

Воробьи на карнизе легкомысленно чирикали о летнем асортименте, Горторг отказался принять партию в 3500 бумазеевых платьев — все было ясно и так. Но форма есть форма. Форму нужно соблюдать. К счастью, все-таки решили, что бумазеевых платьев на лето заготовлять не надо.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

1 марта 1941 года

1. ДВА ФРОНТА ИЛИ ОДИН?

Читатель, вероятно, помнит, что в предыдущем «Дневнике войны» («Огонек» № 6) говорилось о возрастающем влиянии, которое борьба в зоне Средиземного моря оказывает на ход войны в целом и на положение в Европе. В основном дело сводится к тому, что развертывание военных действий в зоне Средиземного моря заставляет воюющие державы стягивать сюда все больше и больше сил, сухопутных, воздушных и морских.

Прежде всего это относится к Великобритании и Германии. По данным, приведенным Муссолини в речи, произнесенной им 23 февраля в Риме, Великобритания сосредоточила в конце ноября на границе Ливии 15 дивизий, «огромное количество танков», 1500—2000 самолетов, 2 тысячи пушек. Водоизмещение британского средиземноморского флота достигает 500 тысяч тонн. По словам Муссолини, против Италии сейчас сражаются миллион английских солдат. Напомним, что в самый разгар сражения в Бельгии и Северной Франции, в мае прошлого года, общая численность Британского экспедиционного корпуса на континенте не превышала 450 тысяч человек. Отсюда следует, что борьба в Ливии потребовала от Великобритании гораздо большего напряжения, чем когда-либо раньше.

Ход военных действий в зоне Средиземного моря привлек сюда также крупные германские силы. Их численность и состав менее известны. Повидимому, они главным образом состоят из многочисленных соединений авиации. Мы уже приводили данные английской газеты «Ньюс кроникл», которая утверждала, что в Италии находится не менее 1500 германских самолетов. В речи Муссолини содержится указание на то, что в Ливию прибыли также германские войска. Можно предположить, что в Италии находятся значительные германские силы. К этому следует прибавить, что обстановка, сложившаяся в восточной части Средиземного моря, привела к сосредоточению германских войск в районе Юго-восточной Европы.

Приведенные факты показывают, что в зоне Средиземного моря сложился второй фронт нынешней войны. Главным противникам в этой войне — Германии и Великобритании — приходится теперь бороться на двух фронтах. В прошлом году борьба шла на одном фронте, и это в немалой степени предрешило тогда ее исход. Создание второго фронта раздробляет силы главных противников и затягивает борьбу между ними.

Здесь находится одна из главных причин, которая, по мнению многих зарубежных военных обозревателей, делает неизбежной попытку вторжения германской армии на британские острова с тем, чтобы решительно и быстро выиграть войну.

2. ПО СЛЕДАМ ВЕСНЫ

Вопрос о вторжении стал излюбленной темой зарубежной печати в связи с приближением весны.

Действительно, весна приближается. Весеннее равноденствие означает конец периода туманов в районе Ла-Манша, дни становятся длиннее, ночи — короче. На Северном море и в Ла-Манше в это время начинает устанавливаться прекрасная погода, лишь иногда прерываемая весенними бурями. Видимость улучшается, и для авиации, в частности, наступает горячая пора.

Нужно, однако, сказать, что хорошая погода не всегда означает лучшее время для такой сложной операции, как вторжение большой армии в островное государство, располагающее крупными силами на суше и в воздухе и флотом, в несколько раз превосходящим флот вторгающегося. По мере приближения весны укорачивается ночь, и, следовательно, для авиации сокращается наиболее удобное время суток. Улучшение навигационных условий в районе высадки десанта (восточное и южное побережье Англии) облегчает операции не только германских морских сил, но и английских.

Таким образом, можно сделать вывод, что с приближением весны не уменьшаются трудности, с которыми связана крупная десантная операция, хотя вполне возможно, что Германия располагает соответствующими силами для попытки вторжения в Великобританию.

Некоторые иностранные обозреватели считают, что основной удар будет нанесен с воздуха и что крупный германский десант может быть переброшен на самолетах в северовосточную Англию. Цель этого десанта заключалась бы в захвате района Бирмингэма и в выходе на западное побережье Ирландского моря. Великобритания была бы тогда разрезана на две части. В самой Англии также высказываются предположения, что германское командование направит более сильные десантные части не в район Дувра (на южном побережье), а в пролив Уош (на восточном побережье Англии).

Впрочем, за последние 2—3 месяца в зарубежной печати было высказано много предположений о возможности германского вторжения в Англию. В английской печати также появилось много самых разнообразных проектов, предположений и предсказаний, как германское командование будет действовать и каким образом десанту будет нанесено поражение. Один вопрос, по понятным причинам, больше всего интересует именно лондонскую печать, а именно: *когда следует ожидать вторжения?* Обозреватель газеты «Ньюс кроникл» насчитал, по крайней мере, 12 ответов на этот вопрос:

1. Вторжение последует в ближайшие дни.
2. Через месяц.
3. До мая месяца.
4. После улучшения погоды.
5. В наиболее туманное время.
6. После победы англичан в Ливии.
7. Перед, после или одновременно с началом германского наступления на Балканах.
8. Перед тем, как американская помощь Англии примет широкие размеры.
9. В момент широкой переброски американского военного материала с тем, чтобы потопить наибольшее количество кораблей.
10. Как только будет установлено франко-германское сотрудничество.
11. После оккупации всей Франции Германией.
12. Как только германские силы займут ирландские гавани.

Но помимо этого, указывает «Ньюс кроникл», многие считают, что вообще не будет никакого вторжения; центр тяжести борьбы против Великобритании будет перенесен на коммуникации, а нанесение главного удара — предоставлено подводным лодкам. К этому склоняются некоторые, весьма видные зарубежные наблюдатели и военные специалисты.

3. БОРЬБА В ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Их аргументы заключаются в том, что нельзя рассматривать вторжение изолированно от всей борьбы между Германией и Великобританией. Известный американский военный обозреватель, майор Фильдинг Элиот считает, что для германского командования гораздо важнее отрезать Великобританию от США, чем пытаться завоевать Британские острова. Элиот исходит при этом из той простой предпосылки, что борьба на коммуникациях может дать больше немедленных результатов, чем такая рискованная операция, как вторжение. Для Великобритании, указывает далее Элиот, предстоящие 6 месяцев приобретают решающее значение, поскольку в течение этого времени США ускоренными темпами будут развертывать военное производство. Если в это время германские воздушные и морские силы смогут установить свое господство на коммуникациях, то это подорвет оборону Великобритании.

Не лишено интереса, что и в германских кругах за последнее время при обсуждении перспектив борьбы против Великобритании все чаще делается ударение на подводные лодки, как бы подчеркивая значение морских сил в предстоящих операциях. В своей недавней речи командующий германским флотом адмирал Редер несколько раз возвращался к одной и той же мысли: «Мы должны разбить морскую мощь Англии». При этом Редер указал, что германское морское командование никоим образом не преуменьшает сил Англии и знает, что имеет дело с очень упорным противником.

Сколько подводных лодок Германия может ввести в действие? По английским расчетам, германские верфи в состоянии ежемесячно выпускать не менее 20 подводных лодок. Если эти подсчеты верны, то германский подводный флот должен сейчас иметь не менее 100—150 подводных лодок. К ним следует прибавить тысячи самолетов и многочисленные соединения легких надводных кораблей. С этими силами можно вести весьма решительную борьбу на коммуникациях.

Великобритания располагает, повидимому, не меньшими силами.

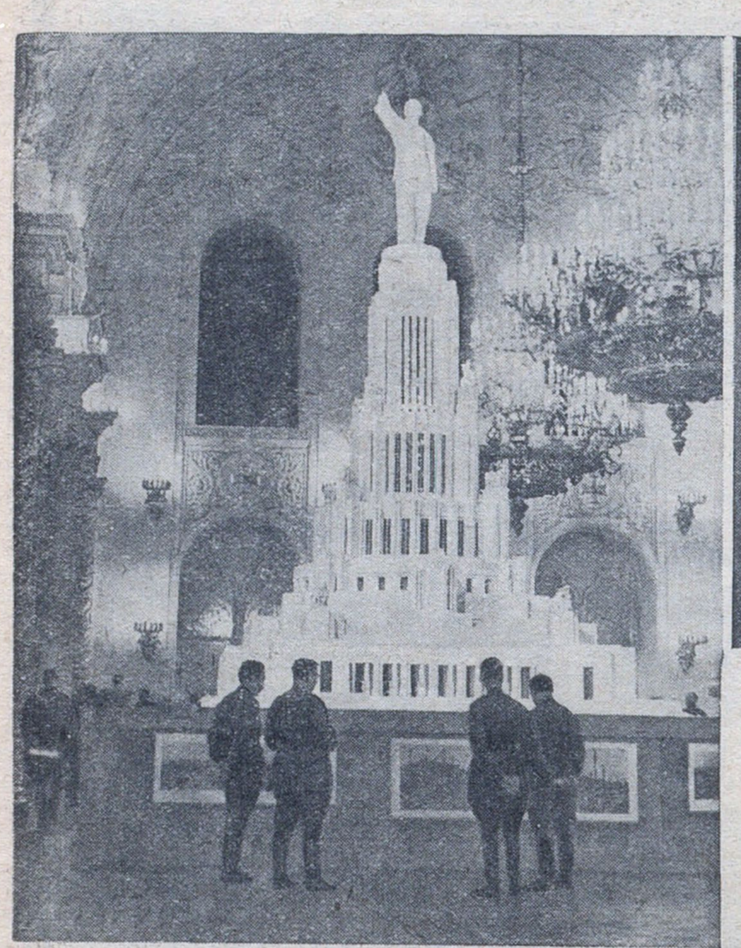
Борьба, которая уже развертывается в Атлантике, представляет собой введение к ожесточенным битвам, в которых будут участвовать все силы, имеющиеся в распоряжении главных воюющих держав. В этой борьбе решается также и судьба вторжения.

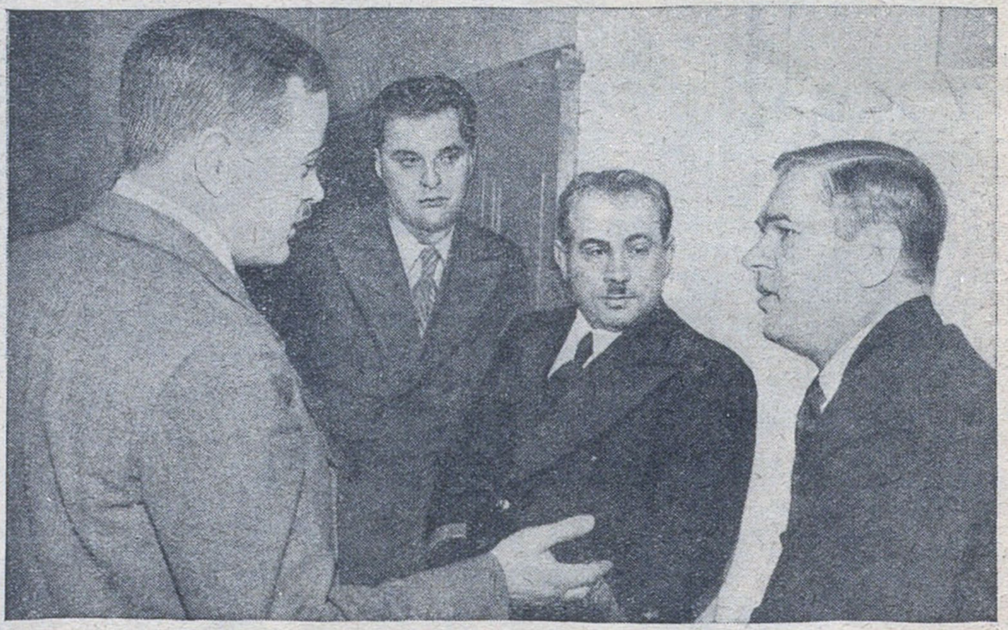
«ГДЕ-ТО» НА СЕВЕРОВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ АНГЛИИ. Этот рисунок художника-капитана де Грино опубликован в одном лондонском журнале. Обращают на себя внимание ряды проволочных заграждений на пляже и в самой воде (колючая проволока свернута в спирали). Проволочными заграждениями окружены также сторожевые посты на берегу. Левее возвышаются башни береговой артиллерии. На горизонте дымят военные корабли. Таков внешний вид некогда прославленного английского пляжа.

Германские базы в Северной Франции, Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии широким полукольцом охватывают Британские острова. Как видно на карте, южное побережье Великобритании ближе всего расположено к портам, оккупированным германскими войсками на западном побережье Европы. Однако в Лондоне считаются с тем, что попытка вторжения будет предпринята также в районе залива Уош, на востоке, и через Ирландию, на западе. Не исключена также возможность удара с воздуха по военным объектам на всей территории Великобритании. Расстояния как на юге, так и на севере это допускают.

XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б)

НА СНИМКАХ (слева): делегаты XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) осматривают макет Дворца Советов в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Справа: в перерыве между заседаниями; слева направо: Герой Советского Союза П. П. Ширшов, В. П. Рябчиков, Герой Советского Союза И. Д. Папанин и И. И. Носенко. Внизу: общий вид зала заседаний XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б).

НА СНИМКАХ (вверху): в Президиуме XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). Справа: секретарь МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков беседует с делегатами от Московской парторганизации; слева направо: секретарь Коломенского горкома ВКП(б) М. И. Малахов, секретарь МГК ВКП(б) В. К. Павлюков, А. С. Щербаков и секретарь МГК ВКП(б) Г. М. Попов.

Фото Ф. Кислова (ТАСС) и П. Трошкина.

СКАЗЫ О ШЕВЧЕНКО

ПЕРЕВЕЛИ С УКРАИНСКОГО Л. БАТЬ И Ал. ДЕЙЧ

«Шевченко, Пушкин...— люди, воплощающие дух народа с наибольшею красой, силой и полнотью»,— писал Горький.

Память о Шевченко прочно живет в народе. Народ знает его стихи — они уже давно стали песнями,— создает легенды и сказы о великом поэте.

Тарас Григорьевич Шевченко много ездил по родной Украине, и всюду, где он побывал, до сих пор живут воспоминания о нем, передающиеся из уст в уста, из поколения в поколение.

В этих сказах и преданиях встает образ непримиримого борца за волю, за счастье народное. И в них встает Шевченко — жизнелюбец, острослов, многосторонне талантливый человек.

Советские литературоведы, фольклористы, поэты тщательно собирают и записывают эти народные произведения. Особенно много записей было сделано в 1939 году, в связи с 125-летием со дня рождения поэта.

10 марта исполняется 80 лет со дня смерти Тараса Григорьевича Шевченко. Мы приводим несколько ярких и характерных записей о великом украинском поэте.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО В СЕЛЕ ПЕКАРИ

Рассказывал мне отец, что Тарас Шевченко часто бывал в селе Пекари. Ходил всегда с товарищем, Грицем: говорят, что тот был художником. Так их и называли: Тарас и Гриц. Бывало, кто-нибудь спросит:

— Кто это идет?

— А это идут Тарас и Гриц. Тот Тарас, что говорит про волю.

Приходя в наше село, Шевченко всегда заходил к бабе Опанасихе, Насте Дьяченко.

Однажды его там искали поляки, хотели убить. Услыхала про это баба Опанасиха, пришла домой и говорит:

— Прячься на чердак, тебя ищут поляки.

Шевченко спрятался.

Вот приходят к бабе поляки, человек десять, и говорят:

— Нам сказали, что здесь находится Шевченко.

Баба им отвечает:

— У нас нет никакого Шевченко, мы не знаем, кто он такой.

— Тогда мы будем искать.

— Я,—говорит,—не позволю вам искать,—и—за кочергу, да как огреет то одного, то другого. Видят остальные, что и с ними то же будет, и пошли из хаты. А она их полощет: — Вы, такие, сякие, еще будете искать?! — и снова кочергой грозит.

Они бежали не оглядываясь с ее двора.

Такая была баба! Шевченко ее поблагодарил.

А она была здоровая, полная, как наденет запаску, то хоть на выставку. Здоровья хватало ей. Прожила сто пять лет.

Она так и нарисована с кочергой, которой била поляков. Картина должна быть в каком-нибудь музее.

Записано со слов колхозника Бойко, Василия Калениковича, 54 лет, и учителя неполной средней школы Григория Трифоновича Гриценко. Село Пекари, Каневского района, Киевской области.

ШЕВЧЕНКО И ЦАРЬ

Однажды привезли в царский дворец электрический фонарь. Тогда это было большое чудо. Фонарь повесили во дворце. Множество министров и генералов съехалось посмотреть на него.

Позвали во дворец и Тараса Григорьевича Шевченко. Пришел он и видит: все толпятся, осматривают фонарь. Пришла и царица. Увидела она Тараса Григорьевича и говорит:

— Посмотрите, Тарас Григорьевич, правда, чудо?

Посмотрел, посмотрел Шевченко на фонарь и так прямо всем и говорит:

— Ну какое же это чудо? Вот было бы чудо:

Если бы вместо фонаря
повесили здесь русского царя!

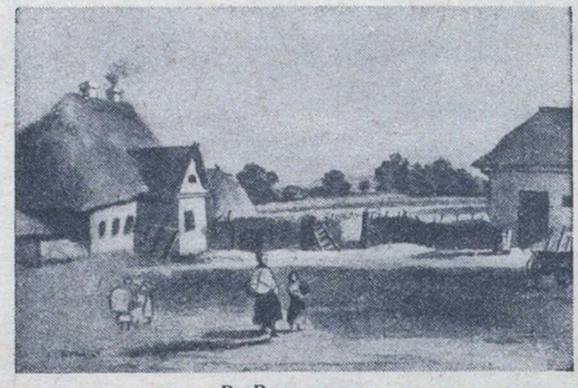
Схватили Шевченко за эти слова. Царь посадил его в крепость и хотел повесить, но люди заступились. Тогда отдали Шевченко в солдаты.

Демид Владимирович Сердюк, колхозник села Александровки, Херсонщина.

СРЕДИ КРЕСТЬЯН

Шевченко заходил, бывало, с рыбаками в корчму, выпивал чарочку, потом песни пел про наше село.

Едет он в баркасе по Днепру, а за ним — рыбацкие челны. Тарас над панами насмехается. Сколько раз его за это в тюрьму запирали! Засудят его, а он удерет. Однажды явился в цар-

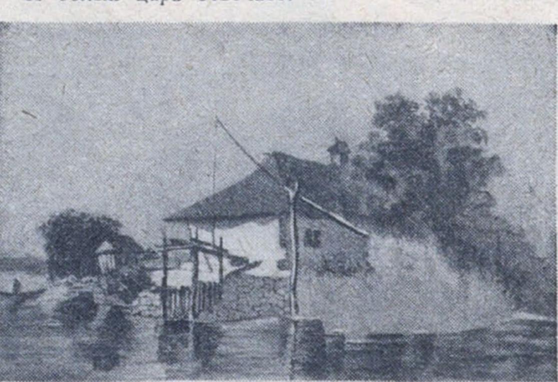

В Вьюнищах.
Рисунок сепией Т. Г. Шевченко.

ский дворец и ходит с сумой по двору. К русскому царю в то время германский царь в гости приехал.

— Что это у тебя тут нищие ходят? — спрашивает германский.

А белый царь отвечает:

Хата над Днепром.
Акварельный рисунок Т. Г. Шевченко.

— Это украинский поэт из тюрьмы приехал.

Тогда оба царя к нему обратились:

— Скажи нам что-нибудь такое, чего мы не слыхали.

А Шевченко подтянул на плечах суму, посмотрел на их короны и говорит:

Зарисовки Т. Г. Шевченко. Внизу: «Молодой человек с книжкой», вверху: «Арест Пугачева» (для «Истории Суворова»).

— Сума и корона скоро в землю зарыты будут, от них и черви откажутся.

Грушецкий, руководитель Переяславской рыбацкой артели.

Когда вышла воля, собрались паны на собрание, решают: дать людям землю или не дать? И решили не давать. А Тарас Шевченко подслушал их разговор, вышел во двор, где стояли запряженные панские лошади. Он не то снял вожжи, не то подрезал,— не скажу. Собрались они ехать, а вожжей-то и нет, править нечем. Тогда Тарас и говорит:

— Эге, не можете без вожжей уехать. Так и людям без земли нельзя жить.

Письмак. Село Грищенцы, Каневского района, Киевской области.

★

Рыбаки наши плавали с Тарасом, а после ловли зашли в кабачок на берегу. Там сидел какой-то барин. Он разговорился с Шевченко, а на прощанье протянул ему руку и подает один палец. Тарас спросил:

— Что же только один палец?

— Видите ли, когда я приветствую себе равного, я подаю всю руку, когда рангом ниже, то четыре пальца, еще ниже — три и два, а всему остальному чиновному миру даю один.

Тогда Шевченко ему ответил:

— А я не из чиновного мира, я простой мужик, получите же, сударь, полпальца сдачи,— и показал ему дулю.

Павло Муоневич Однорок, 64 лет, колхозник села Трахтемиров, Переяславского района, артель имени М. Горького.

★

В нашем селе две трети доводятся родственниками Тарасу Григорьевичу, и я от имени всех хочу поблагодарить вождя нашего, отца родного, товарища Сталина за то, что теперь так чествуют Кобзаря. Что я помню про него?

Любил Тарас девушку Оксану из Кирилловки, но не пришлось ему жениться на ней. Помещичий сын сжил ее со свету. Когда Тарас вернулся в 1859 году в село, он спросил у своего брата Микиты, где тот панич.

— А я его поймал темной ночью, схватил и бросил вниз головой в пруд.

— Собаке — собачья честь,— похвалил Тарас брата.

Харитон Прокопович Шевченко. Село Шевченково, Вильшанского района, Киевской области.

ПОРТРЕТ

Тарас Григорьевич жил в Киеве и писал картины. Он был известный художник. Зашел к нему как-то знатный барин и просит, чтобы Тарас его написал. Тарас Григорьевич во время разговора нарисовал его карандашом. Вот тот и стал спрашивать:

— А сколько будет стоить, если написать мой портрет?

Тарас Григорьевич запросил с него сто пятьдесят рублей.

Барин говорит:

— Что вы так дорого берете?

— Дорого? — говорит Тарас Григорьевич.— Тогда пусть будет всего триста рублей.

Барин рассердился и ушел.

А Тарас Григорьевич взял свой карандашный рисунок, пририсовал к нему ослиные уши, понес в магазин и сказал продавцу:

— Поставь этот портрет в окне, и если его кто-нибудь купит, то пусть заплатит пятьсот рублей.

Вот идет как-то по этой улице барин. Видит: в окне стоит его портрет, точь в точь он, только уши ослиные. Он к продавцу:

— Сколько стоит осел, что на выставке?

Продавец отвечает:

— Пятьсот рублей.

Барин подошел ближе:

— Этот портрет я беру!

Вынул пятьсот рублей и заплатил. А продавец как будто и не к нему:

— Хороший осел, да не мне попался.

Записано в селе Шевченково, Вильшанского района, Киевской области.

ТАКОВ И ЧЕЛОВЕК

Гребинка послал за Шевченко свою тройку. Все удивляются: кто-то в свитке на тройке едет. Никто бы не подумал, что это Тарас Григорьевич.

Приехал Шевченко, идет в комнаты, а казачок Иван Стеценко спрашивает:

— Тарас Григорьевич, почему у вас подкладка шолковая, а верх простой?

Шевченко засмеялся и ответил:

— Вот так, бывает, и человек: сверху будто плох, а внутри хорош. Хуже, если наоборот.

Записано в местечке Яготине, Полтавской области.

Литературные новинки

НОВАЯ ПОВЕСТЬ Ю. КРЫМОВА

Три года назад впервые выступил в литературе не известный до этого молодой инженер Юрий Крымов. Он создал первый образ стахановца в нашей литературе — образ Басова, героя повести «Танкер «Дербент». И тема повести и художественная свежесть письма сразу же привлекли внимание читателей.

В январской книжке журнала «Красная новь» напечатана вторая повесть Крымова — «Инженер». Действие происходит в наши дни на нефтяном промысле. Герои повести — инженеры, техники, лаборанты, мастера, изобретатели и стахановцы. Представители советской технической интеллигенции показаны на производстве и в личной, интимной жизни. Это горячий кусок современности, выхваченный из самой действительности и художественно запечатленный талантливым советским писателем.

Ю. Крымов.

В центре повествования три инженера: Григорий Емчинов, Аня Мельникова и Сергей Стамов. Мы знакомимся с ними, когда все трое еще студентами проходят практику на производстве в Рамбекове. Тут завязывается узел любви. Аню любят и Григорий и Сергей (Сережка Большой). Григорий объясняется Ане в любви многословно и манерно. Сережка Большой любит застенчиво и целомудренно. Он скуп на слова, любуется девушкой издали. Это замкнутая в себе, трудная нежность. Аня молода и доверчива, она не знает жизни и людей. Григорий старше ее на двенадцать лет. Он кажется Ане сложной натурой, интересным человеком. Она выходит за него замуж. При разверстке выпускников Емчинов по знакомству пристроился на работу в главке. Аня, поехавшая вслед за мужем в Москву, работает здесь на газовом заводе, а Стамова направили на нефтяной промысел в Рамбекове.

Так проходят шесть лет. За это время Емчинов, ловко маневрируя и используя свои связи, получает назначение в Рамбеково на пост управляющего трестом. Вместе с ним туда же, на работу, едет и Аня. На прежнем месте происходит новая встреча друзей студенческих лет. Теперь все трое работают на одном и том же предприятии. И тут развертываются главные события повести.

С наибольшей полнотой характер человека, его деловые и моральные качества обнаруживаются на работе. Емчинов, который казался Ане незаурядной натурой, вскоре предстает перед женой, перед Стамовым, перед всем коллективом нефтяного промысла в своем истинном свете. Это себялюбец, карьерист, бюрократ, болтун и трус.

По приезде в Рамбеково Емчинов в благодушном настроении разоткровенничался со Стамовым. «В главке,— говорит он,— я руководил отделом, а теперь у меня на руках целый район. Отвечаю за вас, чертей, и скажу прямо—привык к административной работе, к ответственности и не могу жить без этого... Наш брат, хозяйственник, до того поглощен заботами текущего дня, что не замечает, как проходит этот день. Это даже хороший признак, если день прошел незаметно: значит, не было неприятностей, ха-ха! Точно кто сотрет его с доски тряпкой, и на его месте возникает новое число, месяц, год. Отошедшие дни не вспоминаются; заботы, наполнявшие их, потеряли значение. Будущие дни не существуют, раз мы их не знаем (да и не хотим знать). Остается сегодняшний день. Мы все — как отрывные календари, ей-богу...»

Так выглядит бюрократ наших дней. В старину Фамусов говаривал: «Подписано, и с плеч долой». Емчинов пошел дальше: он сбрасывает с плеч не только подписанную бумажку, но и дни, недели, целые годы. Он сам — отрывной календарь. Главное, что заботит его,— как бы избежать неприятностей; главное, к чему стремится он,— быть на хорошем счету в наркомате, шаг за шагом продвигать вперед личную свою карьеру.

Знакомится Емчинов с мастером-стахановцем Шеиным и говорит с ним плакатными лозунгами: «Ваш почин люди должны развернуть как знамя!» Но на деле Емчинов стахановцу не помогает, и мастеру приходится мотаться по цехам, чтобы добыть нужные ему для работы материалы и инструменты.

Приходит Емчинов в соприкосновение с изобретателем, молодым техником Петиным, и тут дело оборачивается еще злее. Петин Емчинову неприятен. Слушает его управляющий, и им овладевают «привычные, унылые мысли». Он думает: «Вот... такие-то и способны проникать сквозь стены. Откажи ему, попробуй, и ты ни за что не угадаешь, где он завтра вынырнет—в кабинете наркома, в ЦК или Совконтроле. Он кружит со своей идеей, как тетерев на току, а ты изволь-ка рисковать с ним вместе! В сущности, это я ему подчиняюсь, а не он мне». И Емчинов фальшиво улыбается ему, говорит поощрительные слова. А когда возникают трудности, связанные с применением нового метода, Петин не встречает со стороны треста деловой помощи, по вине руководства происходит авария, но кругом виновным оказывается один Петин. Емчинов передает «дело» следственным властям.

Без конца говорит Емчинов о сложной обстановке, не столько работает, сколько хитрит и выкручивается. Дипломатничает, прикидывает в уме выгоды и невыгоды каждого начинания для своей персоны. Против всякого возможного обвинения запасается бумажками и «основаниями», трусит и дрожит не хуже щедринского премудрого пескаря. Это безответственный обыватель на ответственном посту.

Противостоящие Емчинову люди—Шеин, Стамов и другие — являют образцы коммунистического отношения к труду. Нужды производства, интересы общего, народного дела составляют их кровный, личный интерес. Это инженеры и мастера, искренно и беззаветно преданные работе. Таких людей много у нас, их становится все больше.

Непорядки на промыслах волнуют Аню. Честная труженица, энтузиаст производства, она не может мириться с безобразиями, главный виновник которых — ее муж. Повесть психологически правдиво и тонко рассказывает о все нарастающем ее разочаровании в Емчинове. Когда приехавший на промысел нарком выясняет причины отставания, Аня выкладывает ему всю правду. Это помогает ей порвать с Емчиновым. Его посылают на низовую работу в Фергану, а она остается в Рамбекове. Здесь Аня упоенно работает, всем существом отдаваясь любимому делу. Она исполнена чувства ответственности, которое «похоже на любовь: чем больше делаешь для человека, тем сильнее любишь...»

В своей повести Крымов обнаружил редкие, к сожалению, в нашей писательской среде качества: доскональное знание изображаемой действительности, уменье показать слитность советского человека с социалистическим производством. Вопросы производства глубоко волнуют самого автора, и он своей повестью сигнализирует о серьезных недостатках в работе промышленности. Мы знаем, что недостатки такого рода привлекли внимание партии и получили полное и всестороннее освещение в докладе тов. Маленкова на XVIII Всесоюзной партконференции.

Это особенно замечательный для литературы факт! Созданный Крымовым образ Емчинова и есть тип руководителя-болтуна, равнодушного обывателя, безучастного к состоянию промышленности. В нем, в его отношении к стахановцам, к мастеру Шеину, к изобретателю-технику Петину художественно воплощены тот консерватизм части руководителей предприятий, то их хвостистское и вкорне оппортунистическое отношение к новой технике, которые с такой силой бичевал тов. Маленков. Посмотрите на обстановку в Рамбекове, как ее изобразил Крымов: эта картина живо напоминает описанную в докладе.

О мастере тов. Маленков говорил: «...на многих наших предприятиях мастера свели на положение подсобного рабочего или конторщика, который целый день занят либо беготней по заводу за недостающими деталями, инструментами, либо разного рода конторской работой... Необходимо на предприятиях поднять роль мастера». Живым примером может служить здесь Шеин из новой повести Крымова.

Новая повесть Крымова имеет действительно высокую познавательную ценность. Появление такой повести — радостное событие для всей нашей литературы.

И. ЛЕЖНЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОЛОЛЕДИЦА

ПРОБЛЕМА СТИЛЯ

Стиль — это человек, так говорят иногда. При этом имеют в виду, что стиль отражает человеческую натуру. Иные даже думают, будто сложный стиль свидетельствует и о сложной натуре, а человек сложной натуры обязательно обладает таким же стилем. Зная одно, мол, легко судить о другом. Взять к примеру стиль литературоведа и критика А. Дымшица. Какая за ним угадывается сложная натура! Даже эпитеты у него преимущественно сдвоенные, как об этом можно судить по статье «Владимир Маяковский» («Звезда» № 10 за 1940 год).

«Риторико-патетический», «декларативно-патетический», «лирико-патетический», «лирико-философский», «лирико-монологический», «лирико-сатирический», «реалистически-познавательный», «отчетливо-сюжетный», «эпигонско-акмеистический», «героико-эпический», «истинно-эпический» и т. д. и т. п. — все это главным образом о стихах, поэзии, стиле.

Незаменимое удобство такого «сложного» стиля в том, что он позволяет составлять фразы не очень осмысленные, зато звонкие, например:

«Абстрактно-романтической, лирико-патетической поэзии пролеткультовцев он (Маяковский) наносил удары своей, полной реалистического содержания, патетической лирикой маршей и од...»

Не разобравшись в этой китайской головоломке, можно подумать, будто лирико-патетическую поэзию или — что то же самое—лирическую патетику Маяковский бил патетической лирикой...

Post Factum.

Искусство

С. Н. ВАСИЛЕНКО

Музыкальная общественность столицы тепло отметила 50-летие творческой композиторской деятельности Сергея Никифоровича Василенко. В настоящее время С. Н. Василенко работает над оперой «Суворов» по заказу Большого театра Союза ССР. На снимке — С. Н. Василенко.

ДВЕ РОЛИ

Недавно режиссер Игорь Савченко снял последние кадры кинотрагедии А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий». В этом фильме я сыграл роль дьяка Гаврилы, одного из бойцов запорожского войска, поднявшегося в 1648 году под предводительством Богдана Хмельницкого на борьбу против польских панов.

Плохой поп и хороший казак — дьяк Гаврила. Лихо рубит его сабля. За поясом, рядом с крестом, у него воткнут пистоль, и он иногда по ошибке крестит казака вместо креста пистолем. Гаврила — жизнерадостный, веселый человек.

В одном из боев Гаврила, жертвуя жизнью, спасает от смерти Богдана Хмельницкого. Последние слова Гаврилы:

«Покойник Гаврила любил бога нашего, еще больше бога любил горилку и шинкарку, и еще больше всего на свете любил Сечь Запорожскую та ридну Украину...»

Сейчас я снимаюсь в большом, двухсерийном фильме, который ставят братья Васильевы. Первая серия называется «Поход Ворошилова», вторая — «Оборона Царицына». Мне поручена роль Мартына Перчихина. В фильме Мартын Перчихин переживает большую эволюцию. Из малограмотного казака превращается в большевика, командующего боевым участком фронта.

Некоторые качества роднят образ Перчихина с образом Гаврилы: это любовь к родине, храбрость, смекалка, природный юмор. Перчихин, как и Гаврила, никогда не поддается панике, умеет найти выход из самого, казалось бы, безвыходного положения. Но, человек другой эпохи, живущий в других условиях, он несет в себе и другие черты. Общение со Сталиным и Ворошиловым оказывает сильнейшее влияние на формирование его революционного мировоззрения.

Показать человека из народа, защитника Царицына, человека, которого партия в лице самых лучших ее представителей сделала передовым борцом за счастье человечества,— большая и почетная задача. Работа над образом Перчихина доставляет мне большое наслаждение.

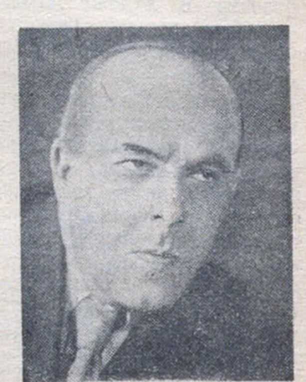
М. ЖАРОВ,
заслуженный артист РСФСР

Заслуженный артист РСФСР М. Жаров в роли дьяка Гаврилы в фильме «Богдан Хмельницкий».

Заслуженный артист РСФСР М. Жаров в роли казака Перчихина в фильме «Поход Ворошилова».

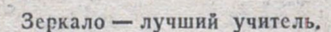

«ШТУРМ ИЗМАИЛА»

Г. Э. Гребнер, автор сценария фильма «Суворов», закончил работу над сценарием нового фильма, посвященного гениальному полководцу,— «Штурм Измаила».

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ — САЛИВОН ЧЕСНОК

Фото Г. Капустянского.

Зеркало — лучший учитель.

Жест найден.

Роль увлекла артиста.

Герои пьесы Александра Корнейчука «В степях Украины», принятой к постановке в московском Малом театре,— колхозники. Центральная фигура пьесы — председатель передового колхоза «Смерть капитализму» Саливон Чеснок, бывший красный партизан, буденновец. Роль эта поручена театром Игорю Ильинскому.

Игорь Ильинский с увлечением работает над ролью.

Недавно артист был в гостях у знакомого генерал-лейтенанта. Генерал, украинец по национальности, сохранил в произношении легкий украинский акцент; у него широкий жест лихого буденновского кавалериста.

Актер — гость генерала — вел себя в высшей степени странно: он сидел в углу и, не отрываясь, смотрел хозяину в рот, шептал вслед за ним слова, фразы, а иногда повторял и его жесты.

После каждой находки актер обращается к зеркалу, как к редактору. Хорошо ли взлетела рука в момент речи? Так ли стоят ноги Чеснока, когда он принимает парад? Все черты внешней характеристики должны стать привычными, чтобы не мешать следующему этапу работы актера — поискам выражения внутренней сущности человека, героя наших дней.

А. Корнейчук.

ДЕБЮТ МОЛОДОЙ ПЕВИЦЫ

Недавно на сцене филиала Большого театра СССР дебютировала в роли Маргариты в опере Гуно «Фауст» талантливая молодая певица Е. Шумилова.

Дебютантка — студентка 5-го курса Московской государственной консерватории — исполнила одну из труднейших оперных партий с выдающимся успехом. Е. Шумилова — комсомолка, сталинская стипендиатка. До выступления на сцене филиала Большого театра она исполняла партию Татьяны в «Евгении Онегине» в студии имени Шацкого.

На снимке: Е. Шумилова в роли Маргариты.

П. А. Федотов «Смерть Фидельки».

ГОГОЛЬ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

В Государственном русском музее в Ленинграде открыта обширная выставка произведений выдающегося живописца, одного из основоположников русской реалистической школы — Павла Андреевича Федотова (1815—1852).

В первом отделе выставки собраны ранние произведения художника, главным образом сцены военной жизни. Первые работы Федотова исполнены сепией и акварелью.

Позднее он перешел к живописи маслом, создав широко известные жанровые картины: «Свежий кавалер», «Сватовство майора», «Разборчивая невеста», «Завтрак аристократа» и др. В этих произведениях развернулись обличительные, сатирические тенденции Федотова, давшие повод называть его «Гоголем русской живописи».

П. А. Федотов «Художник и заказчик».

— Что это за срам — какой вы мне нос сделали!
— Если угодно, можно сделать совсем без носа...

Едкой иронией проникнута «Болезнь и смерть Фидельки», глубокой горечью веет от картины «Старость художника».

Особый интерес представляют первый вариант картины «Вдовушка» (полученный из города Иванова) и привезенная из Киева картина «Картежники».

Всю свою недолгую жизнь Федотов отдал страсти «наблюдать, углубляться, подмечать». Жизнелюбивая созерцательность представлялась ему «законом высшей премудрости» — отсюда возникло его искреннее и проникновенное искусство. Оно положило начало новому направлению русской живописи, получившему впоследствии многообразное развитие в творчестве «передвижников».

Э. ГОЛЛЕРБАХ

ЛЮДМИЛА МЕРЖАНОВА

Молодая балерина — комсомолка Людмила Мержанова — исполнила на сцене филиала Большого театра Союза ССР трудную роль Светланы в одноименном балете Д. Клебанова.

Л. Мержанова—воспитанница хореографической школы Большого театра. Зрители знают молодую артистку по многим сольным выступлениям в балетах «Три толстяка», «Спящая красавица», «Раймонда» и др.

К. ЕЛАНСКАЯ В РОЛИ АННЫ КАРЕНИНОЙ

Недавно в Московском Художественном театре имени Горького в роли Анны в спектакле «Анна Каренина» выступила народная артистка РСФСР К. Еланская.

Анна Еланской очаровывает тонкостью и правдивостью изображения едва уловимых движений мысли и чувства. В ней много вдумчивости, тихой ласковости, обаятельной, простой приветливости.

Несчастье Карениной в ее одиночестве. К. Еланская прекрасно передает трагедию толстовской героини. Неразделенное чувство мучительной любви все время теплится в глазах Еланской, даже в счастливые минуты свиданий с Вронским.

НАКАНУНЕ ДЕКАДЫ ТАДЖИКСКОГО ИСКУССТВА

Фото В. Шаховского.

Заслуженная артистка Таджикской ССР Туфа Фазылова.
Танец с цветком из музыкального представления «Лола» в исполнении заслуженной артистки Таджикской ССР Азизы Азимовой.

Декорация В. Рындина к 5-му акту оперы «Кузнец Кова».

Артисты, художники, композиторы Таджикистана готовятся к большим и радостным дням — декаде таджикского искусства в Москве. Таджикский театр оперы и балета, Драматический театр, Таджикская государственная филармония, Сталинабадская музыкально-балетная школа, народные певцы и мастера изобразительного искусства покажут в столице Советской страны свои лучшие достижения.

Эскизы костюмов работы В. Рындина.

Декада будет проведена весной этого года. Сейчас идут репетиции и просмотры спектаклей, готовятся костюмы и декорации, отбираются для выставки картины и скульптуры.

Мы помещаем несколько сделанных в Сталинабаде снимков, запечатлевших отдельные моменты подготовки декады таджикского искусства в Москве.

МИСТЕР УЭЛЬС И ПАРЛАМЕНТ

Английский писатель Г.-Дж. Уэльс отправился осенью прошлого года в США, где выступил в различных городах с лекциями и давал интервью корреспондентам газет. Когда в Англии стало известно содержание его выступлений, кое-кому они не понравились и консерватор лорд Уинтертон поднял в парламенте вопрос: правильно ли поступило министерство внутренних дел, дав Уэльсу визу на выезд в США? По этому поводу разгорелись любопытные прения, которые мы приводим в сокращенном виде в передаче газеты «Таймс».

Лорд Уинтертон подчеркнул, что он в данном случае не судит о правильности или неправильности взглядов Уэльса вообще. Уэльсу-де всегда позволяли в Англии говорить самые ужасные вещи: «Он в течение многих лет считал и открыто говорил, что королевский престол — учреждение средневековое и бесполезное, что христианская религия — бессмысленный предрассудок и что вся структура нашего общества насквозь прогнила. Он возводил также весьма серьезные и оскорбительные обвинения на членов палаты общин». Но эти взгляды Уэльса, сказал Уинтертон, хоть они, по его мнению, и неправильны, не имеют большого значения. Уэльса поздно исправлять, но зачем ему разрешили выехать в США, «заведомо зная, что он всемерно воспользуется своей известностью, чтобы очернить свою родину заграницей и притом именно в Соединенных Штатах, где в час величайшей для нас опасности, мы пользуемся истинной симпатией больше чем когда бы то ни было»? В момент, когда Англии так нужна помощь США для ведения войны, бестактно, считает Уинтертон, пускать туда человека, который может только скомпрометировать Англию в глазах американской публики. «Английский республиканец,— говорит он,— не более популярен в Соединенных Штатах, чем был бы у нас американский роялист». Кроме того нехорошо оскорблять христианские чувства американцев. «А мы позволили поехать в Соединенные Штаты в качестве представителя английской литературы человеку, который гордится тем, что он противник всякой религии!»

Положение, следовательно, создалось скандальное: «Зачем было позволять этому весьма нехарактерному для нас человеческому экспорту отправляться в страну, где на это нет спроса?» Такой «экспорт» не может завоевать у американцев морального кредита. Любой ребенок из числа детей английской буржуазии, эвакуированных в США, по мнению Уинтертона, представляет Англию лучше чем писатель Уэльс.

К тому же, продолжал Уинтертон, Уэльс позволил себе сделать в американской печати выпады против руководящих деятелей своей страны. Так, в газете «Сендей диспеч» он назвал лорда Горта «наш богомольный генерал». Почему Уэльс счел возможным насмехаться над славным воином лордом Гортом? Не потому, что мистер Уэльс имеет что-нибудь против лорда Горта как воина, и не потому, что он смыслит в военных делах. Насколько известно, он никогда даже на 100 миль не приближался к настоящей линии огня, да и зачем бы ему приближаться? Насмешки Уэльса вызваны тем, что лорд Горт — верующий христианин. К тому же он, как находящийся на военной службе, лишен возможности публично отвечать на нападки, и, значит, на него можно безнаказанно нападать.

Впрочем, предосудительное поведение Уэльса отчасти можно объяснить тем, что он старик: «Поражаешься, как может человек с прежней репутацией мистера Уэльса предаваться таким глупым, оскорбительным нападкам, если он все еще полностью владеет своими умственными способностями (голос с места: «Он выжил из ума!»)». Однако подобные вольнодумцы далеко не безобидны: именно такие погубили Францию. Поэтому «опасно позволять людям этого типа ездить в Америку. За ними нужен надзор».

Теперь уже, конечно, у Уэльса не отберешь визы, заключил Уинтертон свою речь, но впредь надо быть осторожнее. Нетерпимо, чтобы Англию представлял в США этакий «агностик и республиканец».

После консерватора сэра Хеннона, который поддержал Уинтертона, выступил либерал Мандер, сказавший, что палата общин потеряла чувство меры, позволив разгореться страстям по столь незначительному поводу. Он, Мандер, не солидаризируется с тем, что говорит Уэльс,— боже избави! — но следует все же помнить, что «мистер Уэльс — выдающийся англичанин с большим творческим умом и книгами его восхищается весь мир».

Разбушевавшимся джентльменам стал отвечать парламентский секретарь министерства внутренних дел Пик. Он сделал примирительный жест: все, сказал он, согласятся на том, что мистер Уэльс — «человек знаменитый, по крайней мере в мире художественного вымысла (смех). Экскурсы же мистера Уэльса в область фактов часто бывали менее удачны нежели его экскурсы в мир вымысла. Один из современников мистера Уэльса, не менее его знаменитый, но теперь, увы, умерший, сказал как-то о труде Уэльса «Мировая история»: «Уэльс — человек, который больше пишет историю, чем читает ее (смех)».

Разделавшись таким образом с самим Уэльсом, Пик перешел к вопросу о визе. Напрасно некоторые думают, сказал он, что в военное время всякий может выехать из Англии (в мирное время выезжать было можно, и если бы в XVII веке требовались визы на выезд из Англии, то не было бы Соединенных Штатов и, значит, не было бы и нынешних прений). За некоторыми исключениями, ни один британский подданный от 16 до 60 лет не может покинуть страну. Но Уэльсу идет восьмой десяток. Однако выдача визы не означает, что получивший ее становится официальным представителем Англии. Кроме того, выдавая Уэльсу визу на выезд в США, министерство внутренних дел руководствовалось одним немаловажным соображением: сейчас, во время войны, есть вещи, которые Англия может получить только из США, и за них надо платить долларами. Поэтому чем больше долларов заработают британские подданные, тем лучше, а чем более знаменитая личность поедет в Америку, тем больше долларов она привезет оттуда. Посему поездка Уэльса выгодна казне.

Возмущенный лорд Уинтертон заявил на это, что раз дело в долларах, то правительство должно серьезно рассмотреть вопрос: не выпустить ли из тюрьмы сэра Освальда Мосли, чтобы он тоже мог прочесть цикл лекций в США?

Итак, продолжал Пик, при выдаче визы министерство руководствовалось знаменитостью лектора и количеством иностранной валюты, которое он может привезти из путешествия. «В этом отношении мы можем рассматривать мистера Уэльса как «невидимый экспорт». К тому же отказывать ему в визе было бы просто неудобно перед американцами».

На том и кончилось бурное заседание палаты общин, посвященное поездке мистера Уэльса в США.

Своеобразный суд, учиненный в парламенте над Уэльсом, представляет известный интерес, поскольку в прениях сторон, в выступлениях обвинителей и «защитников» ярко отразились реакционные настроения правящих кругов Англии.

СМЕРТЬ ЖАННЕТ

(Перенос со стр. 4)

спаслась! Ей казалось, что стоит перейти Луару, и на том берегу — жизнь. Кругом валялись сожженные или брошенные машины. Деревья были расщеплены. Висели порванные провода. Жаннет наткнулась на труп лошади и отбежала в сторону: торчали большие желтые зубы, лошадь как будто улыбалась. В стороне от дороги лежала раненая женщина; возле нее сидела другая, закрыв лицо рукой. Город был разрушен, и насмешкой казалась синяя надпись среди развалин «Жиен». Среди мусора валялись кастрюли, книги, мешки, каски. На случайно уцелевшей стене висел яркий плакат «Замки Луары — жемчужина Франции».

Вдруг Жаннет остановилась, вскрикнула: мост был взорван. Она села на камень и стала ждать смерти, как несколько дней тому назад ждала поезда, тупо и напряженно, ничего не видя, не думая ни о чем. И когда налетели самолеты, обдав пулеметным огнем дорогу, вокруг которой лежали измученные беженцы, Жаннет не двинулась с места. Она, наверно, осталась бы до утра на этом камне, если бы не подошли другие беженцы. В общем несчастье родилась участливость: делились едой, помогали нести раненых, даже привели старухе отставшую собачонку. Какие-то люди сказали Жаннет:

— Внизу — лодки...

Жаннет пошла за ними. На том берегу она вдруг рассмеялась. Ей хотелось сказать деревьям: вот и я, живая!..

Она начала подыматься на холм. Она едва шла. Вдруг ее окликнули:

— Жаннет!

Не сразу она узнала в грязном, обросшем щетиной солдате Люсьена. А он тряс ее руки и смеялся. Четыре года они не виделись. Только раз Люсьен ее увидел в фойе театра и постарался пройти незамеченным. Теперь он от радости смеялся. Ведь какое это счастье — встретить Жаннет в такое время, напасть на нее среди десятков тысяч! Он чувствовал, что никогда не переставал ее любить, что все бывшее после: Брейтль, игра в заговор, Дженни, десятки других женщин, война — только длинный и плохой сон. Вот она говорит, он слышит ее голос...

А Жаннет спрашивала:

— Люсьен... Что же это случилось?... Это — такое горе! Только что на том берегу двух женщин убили. Я ничего не понимаю...

Люсьен усмехнулся:

— На одной этой дороге тысяч двадцать погибло. Они этого хотели: завели армию в западню и удрали. Ты не понимаешь? Хотели, чтобы нас расколотили,— вот и все. Мой папаша в том числе. Да, да. Сколько раз он говорил: немцы — и то лучше!.. Вот тебе и «лучше»!..

Он грустно погладил руку Жаннет:

— Тебе надо идти: они бомбить будут. Видишь, сколько солдат! А офицеров? Три. Остальные удрали. Говорят, что мы будем защищать этот холм. Не верится... Все время так: окопаемся, ждем, потом приказ — отступать. Ну, а они бомбят. Вот тебе вся война! Иди, Жаннет!

— Люсьен, как же ты здесь останешься?

Он улыбнулся:

— Я, Жаннет, не боюсь. Может быть, лучше, если убьют...

— А я боюсь. Мне, Люсьен, жить хочется...

Она крепко его поцеловала и пошла дальше. На верхушке холма она остановилась. Солнце, заходя, было очень большим и красным. Отсюда не было видно разрушений и жизнь представлялась мирной, полной зелени и свежести. Широкая, но мелкая Луара лениво посвечивала вдалеке. Песчаные острова были покрыты кустарником. Возле Жаннет было несколько деревьев; они стояли, важные, как часовые на постах, на светлом небе выделялись черные листья. Те деревья, что были подальше, казались синими. В некошенную траву ныряли ласточки. Далеко басом лаяла собака. Беленький домик, наверно, брошенный хозяевами, мнился очагом мира. Жаннет подумала: «До чего хорошо!» Она вытащила из сумки бисквит, и ее охватила простая радость жизни, радость собаки, ласточек, деревьев. Тогда снова послышалось знакомое гудение. Она послушно упала на траву. Как это делали прежде другие, она старалась стать плоской, незаметной, зарыться в траву. А трава изумительно пахла: детством Жаннет, первыми ее веснами. Сердце билось. Шум нарастал. Она еще успела подумать: «Здесь, наверно, растет мята, ведь это мятой пахнет...»

Агония длилась недолго. Платье и трава вокруг были в крови. Лицо у Жаннет было спокойное. Поднялся ветер, он приподымал ее длинные вьющиеся волосы. А большие, совиные глаза удивленно глядели на первые, еще бледные звезды.

ЗА РУБЕЖОМ

В ГОРАХ АЛБАНИИ

На итало-греческом фронте все еще продолжаются «столкновения местного характера», как гласят оперативные сводки обеих сторон. В горах еще лежит снег. В долинах началась оттепель. Реки вышли из берегов. Воюющие армии страдают и от холода и от распутицы. Приводимые нами снимки показывают, как трудно вести войну в Албанских горах. Вверху слева: типичное «происшествие» на горной дороге: танк застрял в грязи. Внизу: греческие солдаты на мулах по дороге к линии фронта. Вверху справа: дорога, построенная итальянскими саперами для переброски подкреплений и боеприпасов.

НАКАНУНЕ ПРОЦЕССА В РИОМЕ

Как передает иностранная печать, в Риоме (департамент Пюи-де-Дом) предстоит процесс бывших французских министров: Блюма, Даладье, Рейно, Манделя — и ряда других французских политических деятелей. До последнего времени бывшие французские министры находились в заключении в Пельвуазене (департамент Эндр). Теперь Рейно, Даладье, Мандель, Грумбах и некоторые другие помещены в отеле Бельвю в Обена. Блюм остался в Пельвуазене.

«Отель Бельвю, — пишет французский корреспондент шведской газеты «Нюа даглигт Аллеханда», — захудалая, более чем скромная двухэтажная гостиница.

Находящиеся в гостинице — бывшие государственные деятели Франции, число которых доходит до 15, — лишены какой бы то ни было свободы передвижения и, по существу, живут в условиях тюремного режима. Между каждыми двумя комнатами, в которых находятся заключенные, расположена комната, где неотлучно дежурят часовые. Какой-либо контакт между отдельными заключенными запрещен.

Время прогулок во дворе гостиницы установлено с таким расчетом, чтобы заключенные не встречались друг с другом. Часовым строго воспрещено с ними беседовать.

Передают, что Даладье сравнительно легко переносит заключение, острит и вообще хорошо себя чувствует. Он сидит по целым дням в своей комнате, в пижаме, отказываясь даже выходить на прогулку. Как известно, Моруа в своей книге выдвинул серьезные обвинения против Даладье. Когда Даладье ознакомился с содержанием этой книги, он в течение нескольких дней был в чрезвычайно подавленном настроении.

Рейно находится в состоянии крайней апатии. Его ничто не интересует, он не притрагивается к письмам, которые ему приносят. Предпоследний премьер Третьей республики лежит весь день на кровати, выкуривая одну папиросу за другой. Часовые никогда не слышат от него ни слова.

Мандель держался все время спокойно, но в последнее время проявляет признаки нервного расстройства. На все жалуется, недоволен пищей, уверяет, что надзиратели с ним грубо обращаются. Окружил себя множеством книг, но их не читает. Требует, чтобы его подвергли медицинскому осмотру, но крайне подозрительно относится к местным врачам и хочет непременно врача из Парижа. Врачи признают, что Мандель здоров, но отмечают, что он постоянно находится в состоянии нервного возбуждения.

Леон Блюм мало изменился, ни на что не жалуется и горячо спорит с должностными лицами, приезжающими из Риома для допроса. Он работает над историческим трудом, который, кстати, не имеет ничего общего с последними трагическими событиями, имевшими место во Франции. Он пишет по целым дням на своей машинке.

Леона Блюма будут защищать на суде адвокаты Спаньян и Ле Труке; Гамелена — Арналь и Пюнтуа; бывшего министра Гиля Шамбра будут защищать Жак Фуркад и Жорж Крейстль; Даладье — известный адвокат Рибе.

СВОЕОБРАЗНЫЙ «МИРОВОЙ РЕКОРД»

«Новый мировой рекорд, поставленный зубами». Так гласит сообщение базельской «Националь цейтунг» о том, как цирковой артист Джек Альберто Лемле на улице Тюркхеймерштрассе в Базеле сдвинул с места 8 сцепленных друг с другом грузовиков, ухватившись зубами и руками за трос, привязанный к грузовику.

Полиция оцепила улицу и пропускала зрителей лишь по предъявлении билетов. Ведь не каждый день увидишь человека, способного зубами привести в движение поезд, который, как указывает газета, «не сдвинули бы с места даже 12 лошадей».

ФИЛЬМ О ВОЙНЕ

В Германии подготовляется документальный фильм, в котором показан ход военных действий с момента вступления германских войск в Бельгию и Голландию до подписания в Компьенском лесу перемирия с Францией.

Газета «Франкфуртер цейтунг», сообщая об этом, указывает, что в фильме использованы также снимки французских и английских кинооператоров, захваченные германскими войсками.

СОВРЕМЕННЫЕ РОБИНЫ ГУДЫ

Мастерство английского народного героя Робина Гуда, расщеплявшего одну стрелу другой, находит, оказывается, и в наши дни многочисленных поклонников среди американских спортсменов.

По данным Национальной федерации лучного спорта, в Соединенных штатах Америки насчитывается 1½ миллиона энтузиастов этого древнейшего вида спорта.

Мировой рекорд по стрельбе из лука (стоя) держит Гемер Праути. Он добился дальности полета стрелы в 440 метров.

Корлисс Хил является рекордсменом по стрельбе из так называемого ножного лука. Его стрела пролетела 564 метра.

Среди энтузиастов лучного спорта намечаются три категории: стрелки по мишеням, стрелки на дальности и стрелки по живым целям (охотники).

Стрельба из лука требует большого искусства. Любопытнее всего, что лучник метит не в цель, а совершенно в другую точку, расположенную либо выше либо ниже цели. Лишь благодаря такому приему стрелок может оттягивать стрелу на уровне подбородка, а не глаза.

Наиболее увлекательным видом лучного спорта является охота, в том числе и на морских хищников.

СТРАТОСФЕРНЫЙ ПОЛЕТ

В ближайшее время в Аргентине предполагается произвести полет в стратосферу. Наряду с двумя аргентинскими летчиками — Эдуардо Оливеро и Игнасио Пуиг — в полете примут участие профессора Пикар и Козинс, совершившие в 1932 году свой известный подъем в стратосферу. Они намереваются в ближайшее время выехать из Брюсселя в Аргентину.

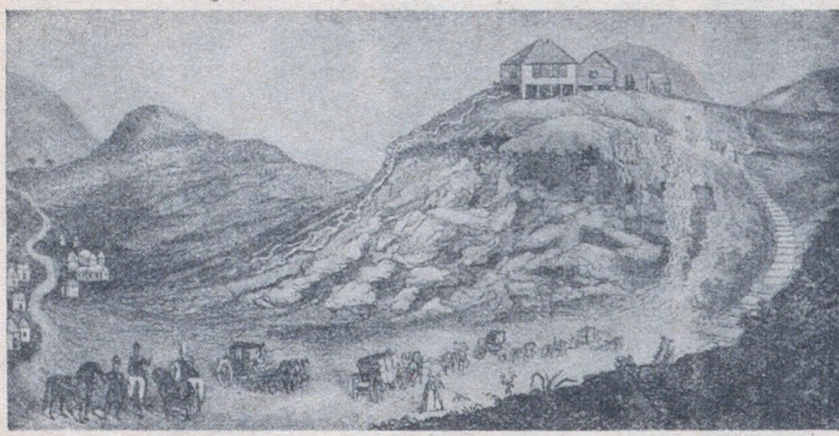
По приезде Пикара и Козинса будет окончательно установлено место подъема стратостата. Полагают, что полет состоится либо в окрестностях Сан Рафаэль, в провинции Мендоса, вблизи Анд, либо в провинции Кордоба.

ИХ ЗАБАВЫ

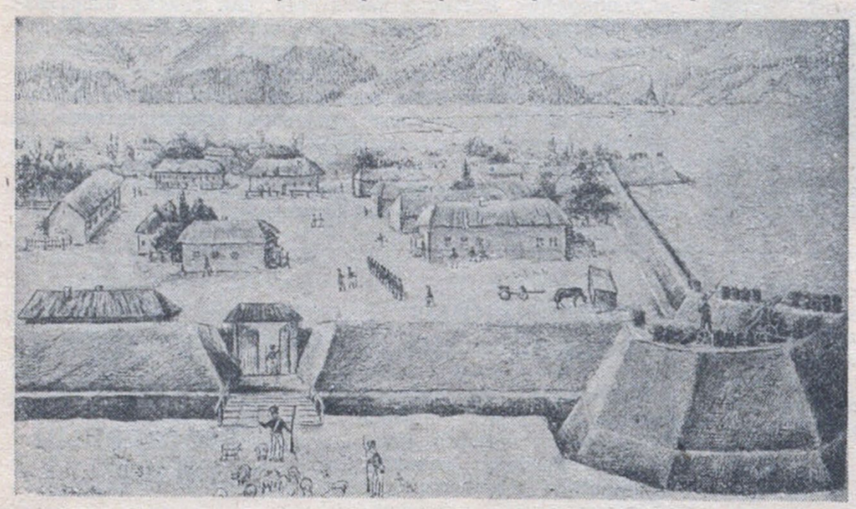
Прошло почти семьдесят лет с тех пор, как Марк Твэн написал свой знаменитый рассказ «Прыгающая лягушка». Эти состязания сохранились еще до сих пор и проводятся ежегодно в Калифорнии. Совсем недавно в присутствии большого числа болельщиков этого эксцентричного вида спорта был дан старт 202 лягушкам, из которых лишь одна повторила установленный в прошлом году «мировой рекорд по прыжку в длину для лягушек» в 9 футов. Кличка этого лягушачьего чемпиона — «генерал Грант».

Подобные состязания животных практикуются в Чикаго, где ежегодно проводятся речевые турниры для попугаев. Перед войной в Англии устраивались бега для улиток.

У ПОДНОЖИЯ МАШУКА

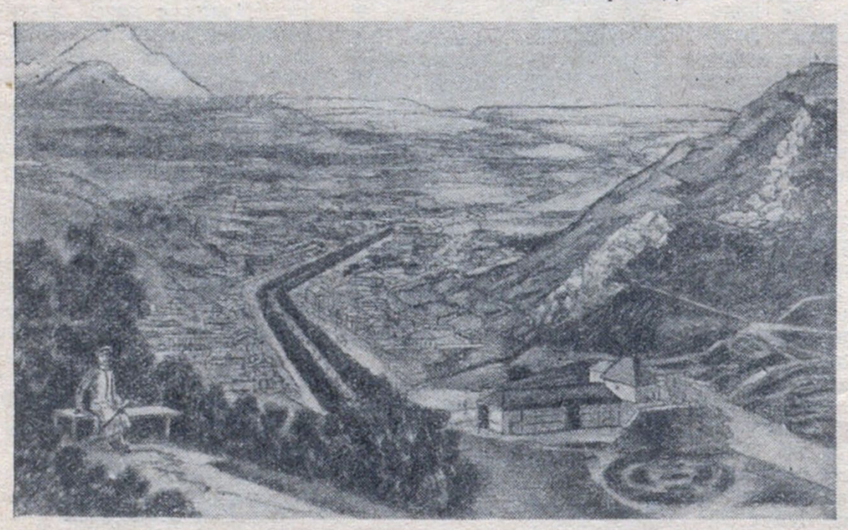

Вид части горы Машук и Горячих вод в начале XIX века. Район Пятигорска в 1820 году, в первый приезд Пушкина на Горячие воды.

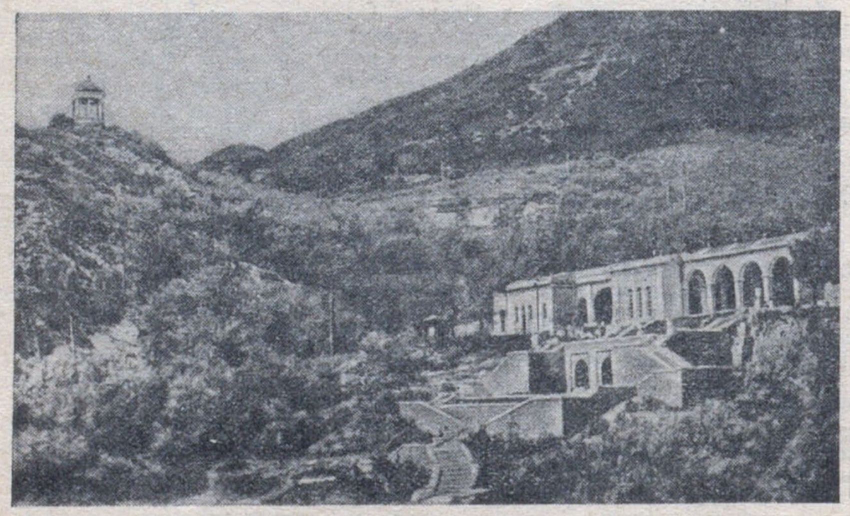

Вид Константиногорской крепости в 1819 году. В настоящее время на месте бывшей крепости расположен вокзал и трамвайное депо Пятигорска.

Акварель Д. М. Геевского

Вид Пятигорска в 1830 году по копии с рисунка бр. Чернецовых. Хранится в Русском музее в Ленинграде.

Современный Пятигорск. Академическая галерея, грот Лермонтова и Эолова арфа.

«И степь широкая и горные хребты —
Величья вольного громадные размеры».
(Н. Огарев «Кавказские воды».
«Полярная звезда». 1861).

Исключительное своеобразие Пятигорска — сочетание диких скал и склонов Машука с журчанием бегущих целебных источников — поразило Пушкина, когда он приехал сюда в первый раз, в 1820 году.

Внешний вид района города Пятигорска (самого города тогда не было), то есть ущелья между Горячей горой и Машуком, сохранился в очень редкой французской гравюре, найденной нами среди старых книг начала прошлого века. Строительство города Пятигорска в те годы еще не начиналось. Здесь была пустая степь — «привал охотников» — с разбросанными по ней кое-где калмыцкими кибитками.

На Горячей горе, как раз над теперешними Лермонтовскими ваннами, налево от большой каменной лестницы (одного из ранних сооружений Пятигорска), у самого обрыва, приютилась избушка.

В этой избушке помещались тогда ванны; потоки серной воды свободно сбегали с крутизны по направлению к реке Подкумку, оставляя на земле меднокрасные следы.

В первый приезд Пушкина все строительство курорта состояло из этой деревянной купальни у Александровского источника, на первой площадке Горячей горы. Купальня опиралась задней своей стеной на скалу, передняя держалась на столбах, и вся постройка была похожа на плохую водяную мельницу. Около нее, на узенькой площадке, вырубленной в скале, был устроен навес, державшийся на шести деревянных столбиках. Здесь, под навесом, на прислоненных к горе скамьях, больные дожидались своей очереди принимать ванну.

От площадки бывшего Александровского источника тропинка, высеченная в отвердевшем туфе, приводит к третьей, еще меньшей площадке, на которой тоже, повидимому, был когда-то источник.

По небольшой, проделанной в скале лестнице можно подняться на самый верх западной оконечности Горячей горы. Отсюда открывается красивый вид на город и на окрестности: гора Бештау и Ессентуки справа, долина Подкумка с утопающей в зелени Горячеводской станицей внизу, слева; за рекой, по направлению к Кавказскому хребту, идет холмистая равнина с отдельно стоящими горами Джуцею, Юцею и Золотым курганом. На горизонте контуры снеговых гор.

П. Бартенев в своей книге «Пушкин в Южной России» пишет, что в июне 1820 года, когда там был Пушкин, ездили на Бештау, пили железные воды и жили в кибитках калмыцких.

Действительно, приезжающие селились или в калмыцких кибитках близ источников или в Константиногорской крепости (в двух километрах) и лечились по своему усмотрению. Вот вид этой крепости (см. рисунок слева) по редкой акварели из одного старинного альбома.

Проезжая в 1829 году в Армению и Турцию через Пятигорск, Пушкин находит, что постройка роскошных ванных зданий (на месте упомянутой избушки), произведенная за истекший промежуток времени, разрушила первобытную прелесть Горячих вод. В описании своего путешествия в Арзрум Пушкин пишет:

«Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашел большую перемену: в мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красные следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие, дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего, дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мной А. Р[аевский], прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...»

С тех пор прошло много лет. Пятигорск разрастался. Росла и его слава как курорта. Вблизи проходила знаменитая Кавказская линия, где велась ожесточенная борьба горцев за свою свободу, и в Пятигорск приезжали с фронта лечиться и отдыхать.

В конце 30-х годов жил там и М. Ю. Лермонтов. Начальные восторженные строки его повести «Княжна Мери» посвящены описанию города и его окрестностей:

«Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике... Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бэшту синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка...»

Таким же прекрасным остался Пятигорск и до настоящего времени, с той только разницей, что теперь в оборудованных бальнеологических учреждениях: Лермонтовских ваннах, источниках лечебной воды и отлично поставленных санаториях — лечатся и отдыхают тысячи рабочих и служащих нашего Союза.

За последние годы город благоустроен, расширен цветник, построена большая лестница к Академической (бывшей Елизаветинской) галерее, приведен в порядок и украшен Лермонтовский проспект. Железная дорога, связывающая Пятигорск с другими группами Минеральных вод, электрифицирована.

В Пятигорск приезжают не только больные и отдыхающие: его посещают и туристы.

На каждом шагу они встречают красивые здания и места, напоминающие о Лермонтове: Лермонтовские ванны в цветнике, у подножия Горячей горы, памятник Лермонтову в центре города, Музей-домик Лермонтова, грот Лермонтова на Машуке, место дуэли поэта и грот Дианы на Горячей горе.

Пятигорск становится не только всесоюзным курортом, но и всесоюзным памятником гениальному русскому поэту, столетие со дня смерти которого страна отмечает в этом году.

Б. МИНЕРВИН

Юмор

ФОТО-ГЕРОЙ

Иллюстрации Бор. Ефимова

Павел Дмитриевич Зебриков неукротимо и стихийно стремился к славе. Но, увы! Никаких данных стать знаменитым у Павла Дмитриевича не было. Был он скромный служащий. А так хотелось Зебрикову, чтобы при каждом буквально шаге его гремели бы трубы и литавры, били бы барабаны! Зебриков завистливо вздыхал, читая в газете: «На вечере присутствовали народные артисты X и У, академик Z, заслуженный деятель искусства N и писатель S».

Увы! Ни один из жизненных шагов Павла Дмитриевича Зебрикова не отмечался прессой и не был изве-

...а на первом плане с задумчивым и достойным лицом изображаем был Павел Дмитриевич Зебриков.

стен широким кругам населения. А ведь и Зебриков тоже посещал вечера, ездил на курорты, делал визиты.

В судорожных поисках славы Зебриков нашел выход: он безумно полюбил фотографироваться. И не то, чтобы фотографироваться за свои деньги у фотографов-художников, в фотографических артелях и у кустарей «с пушками» на бульварах. Нет, Павла Дмитриевича привлекало не воспроизведение его собственной физиономии как таковой: ему нравилось сниматься с кем-нибудь, и чем более популярно было лицо, рядом с которым удалось сняться Зебрикову, тем больше радости доставлял ему этот снимок.

Павел Дмитриевич обрел уже своеобразную технику этого дела. Он умел вовремя оказаться возле знатного гостя, навестившего клуб того предприятия, в котором Зебриков служил. Когда фотограф сурово говорил: «Довольно, товарищи, кадр и так переполнен!», — то Зебрикова это уже не могло касаться: он стоял, крепко держа за руку знатного человека, из-за которого затеяна была съемка. Если же, паче чаяния, Зебриков запаздывал, то он наловчился протягивать свое лицо в кадр так, как другие могут только протянуть ладонь или ступню.

Когда снимались группами после совещания, Зебриков обычно лежал в позе баядерки у ног председателя совещания, и лицо его выходило вне фокуса гораздо более крупным, нежели даже лицо самого председателя.

Когда на выставках фотографировали изобретателя или художника рядом с его произведением, то уже художник стоял несколько поодаль, а на первом плане с задумчивым и достойным лицом изображаем был Павел Дмитриевич Зебриков.

Что говорить! Три раза Зебрикову удалось сняться на вокзале при встрече и при проводах довольно значительных деятелей искусства.

Но нигде так пышно не расцветало своеобразное дарование Павла Дмитриевича, как на курорте. За месяц пребывания в Ялте или Сочи Зебриков терял около трех килограммов веса и возвращался домой утомленный, но счастливый: ему удавалось сняться до трехсот пятидесяти раз в месяц. На курортах Зебриков снимался, если можно так сказать, систематически. Сперва он сбивал небольшие такие компактные компании, по пять-шесть человек, отдыхающих и фотографировался с этими группами по нескольку раз: на фоне магнолий, на фоне моря, у водопада, над водопадом, подле столовой.

Затем Зебриков всегда добивался, чтобы снялись все двести пятьдесят человек отдыхающих в этом доме отдыха вместе.

Проделав эту основную съемочную работу, Зебриков переходил, так сказать, к индивидуальной обработке отдыхающих: он снимался вдвоем или втроем с каждым из отдыхающих, причем намечал жертвы для своих снимков в том порядке, в каком все сидели за столиками в столовой.

С утра до ночи в доме отдыха гремел сочный басок Зебрикова:

— Граждане, ну это же — хамство: мы до сих пор же не снимались... Агния Николаевна, куда вы? Надо же сняться... Это уж — хамство! Семен Тимофеевич, давайте, давайте с нами! Какие там процедуры?! Сниматься надо! Вот уже и фотограф пришел.

Надо сказать, что поле деятельности Зебрикова на курорте не ограничивалось тем домом отдыха, в котором проживал лично он. Неугомонный славолюбец успевал сниматься также и с отдыхающими, по крайней мере, пяти смежных и двух отдаленных домов отдыха и санаториев. Злые языки говорят, что дома у Павла Дмитриевича хранится и такая группа: Павел Дмитриевич — в центре, а вокруг — обитатели сыпнотифозной палаты.

Зебриков потому особенно свирепствовал на курортах, что именно здесь, в обстановке зноя, неги и отдыха, ему легче, чем в Москве, удавалось фотографироваться рядом, а иногда и в обнимку со многими знатными людьми. Очень огорчало Зебрикова только то обстоятельство, что выдающиеся граждане, снятые рядом с ним на курорте, в купальных костюмах, в трусах, в пижамах, не производили того сильного впечатления, какое они могли бы произвести, если бы дело происходило в Москве. На курорте люди не носят орденов, форменной одежды, тяжелых вечерних пиджаков... Демонстрируя эти снимки, надо было всякий раз объяснять, что рядом с тобою не просто «сопляжник», а человек популярный.

И вот в один прекрасный день случилось происшествие, которое начисто отвратило Павла Дмитриевича от любви к фотосъемкам. Произошло это так. Однажды Павел Дмитриевич, что называется «на огонек», зашел в клуб того предприятия, где работал. В большом за-

...Павел Дмитриевич сверхъестественно широко разинул рот...

ле клуба, в одном из углов его, с подозрительной для Павла Дмитриевича теснотою сгрудилась группа людей. Павел Дмитриевич подошел поближе. Ну, конечно! Неизвестный Зебрикову фотограф расставлял штатив и грозно, как все фотографы, командовал:

— Теснее, теснее давайте! Почему во втором ряду третий слева отворачивается! Дайте мне фас! Я кому говорю, фас?!

Павел Дмитриевич, применив несколько одному ему известных вольтов, в мгновение ока оказался в самой середине группы, образовав своей персоной третий ряд.

Ярко вспыхнул магний. Павел Дмитриевич с удовлетворением покинул свое место «в третьем ряду».

А покинув это место, он спросил у фотографа:

— Скажите, товарищ, по какому принципу сегодня снимали?

— А вы что, не знаете, что ли? — буркнул фотограф.

— Не знаю. Какое мероприятие сегодня здесь происходит?

— Здравствуйте вам! Все газеты пишут...

— Газеты? — и сердце Павла Дмитриевича сладко екнуло.

— Ну, да! Выездная сессия городского суда. Судят бракоделов. Вот сейчас я снял группу подсудимых...

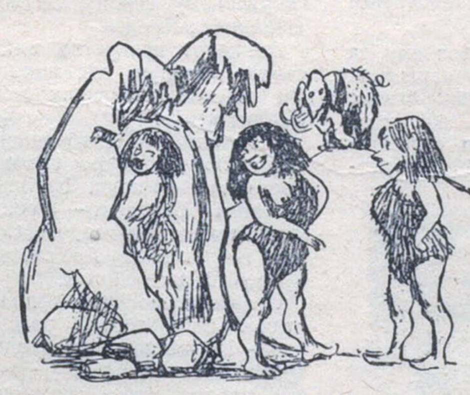
Павел Дмитриевич как-то сверхъестественно широко разинул рот и десять минут держал его в отверстом состоянии.

С тех пор Павел Дмитриевич потерял вкус к фотосъемкам. А соседи по квартире его рассказывают, что в течение трех недель Павел Дмитриевич ежедневно рвал на мелкие куски множество картонок и плотной бумаги. Все это ведрами выносилось в мусорный ящик.

В. АРДОВ.

В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Новейшие научные исследования худ. Ю. Ганфа.

— Знаете, милочка, говорят, что в будущем году шкуры будут носить еще короче.

Почтальон.

— Если меня будут спрашивать, скажите, что меня один знакомый повез кататься.

Велосипед.

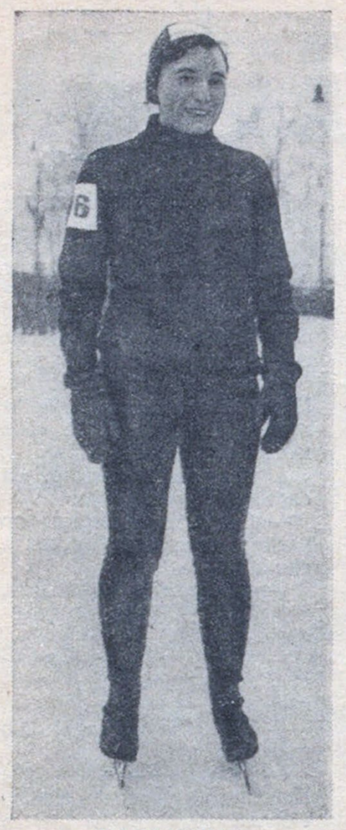

— Какая жалость, что мы живем на заре истории, мы даже не можем обставить свою квартиру старинной мебелью!

Добывание огня.

ТАТЬЯНА КАРЕЛИНА

В январе был матч пяти городов в городе Горьком, на котором Татьяна Карелина защищала спортивную честь своего родного Свердловска. В личном первенстве она выступила в единоборстве с абсолютной чемпионкой 1940 года Валентиной Кузнецовой. В первый день соревнований Татьяна блестяще пробежала дистанцию в 3 тысячи метров, но уступила знатной сормовчанке «пятисотметровку» и оказалась на два десятых очка сзади.

Утром второго дня она собиралась на каток с твердым решением с лихвой вернуть потерянные очки в стайерской (длинной) дистанции — 5 тысяч метров. Настроение у Татьяны было приподнятое. Ею овладело знакомое чувство спортивного беспокойства перед встречей с противником. Укладывая коньки в чемодан, она случайно взглянула на листок календаря. На нем значилось: 26 января. Очень знакомый день. Татьяна старалась вспомнить эту дату, но вошла подруга и торопила со сборами на каток.

По дороге и на катке в памяти Татьяны несколько раз всплывал листок календаря, но волнующие разговоры о предстоящей встрече с Кузнецовой давали мыслям другое направление.

Начался бег на 5 тысяч метров. Вначале Татьяна думала только о том, чтобы вкататься в темп стайерской дистанции. Кузнецова шла рядом. Потом свердловчанка сделала рывок, получила небольшое преимущество и пошла на рекорд. На девятом кругу наступил кризис, называемый у бегунов «мертвой точкой». Два круга Татьяна бежала, обуреваемая нетерпеливым желанием выпрямиться, уйти в раздевалку, снять туго зашнурованные ботинки и растянуться на скамейке. Преодолеть гнетущее чувство свинцовой усталости в ногах ей помог листок календаря.

Финиш был особенно тяжелым.

Радио прогремело по катку:

— Татьяна Карелина установила новый всесоюзный рекорд в беге на 5 тысяч метров.

Радость переполнила сердце спортсменки. В следующее мгновенье она вспомнила листок календаря. Это был день ее рождения. Ей исполнилось 25 лет.

...Чертежница на Уральском заводе тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе в Свердловске не сразу стала конькобежной знаменитостью.

Шесть лет назад она впервые увидела мастеров конькобежного спорта. Ее дебют в Ленинграде был не особенно удачным: ей досталось 6-е место. Участие на Всесоюзных соревнованиях в 1936 и 1937 годах также не принесло удачи. Она занимала 17-е и 11-е места. В следующую зиму (1938 года) Татьяна выиграла на Всесоюзном турнире дистанцию 3 тысячи метров и заняла в классическом многоборье 3-е место.

В первый раз звание абсолютной чемпионки СССР она завоевала в 1939 году, а в прошлом году выиграла приз имени С. М. Кирова и установила рекорд в беге на 5 тысяч метров.

На прошедших недавно Всесоюзных соревнованиях Татьяна Карелина в гроссмейстерском стиле вторично завоевала звание абсолютной чемпионки СССР на 1941 год, выиграла три дистанции из четырех и установила два новых всесоюзных рекорда.

Пл. ИППОЛИТОВ
Заслуженный мастер спорта орденоносец.

ПЕРЕД СЕЗОНОМ

Блестит накатанный лед на дорожках и полях стадионов. Еще идут горячие «схватки» у маленьких сетчатых хоккейных ворот, еще бегут, скрестив на спине руки, мастера скорого хода на коньках, еще зима. А телеграф уже принес скупые слова и цифры о первом футбольном матче, состоявшемся в Крыму.

Ртуть московского термометра поползла вверх. Футболисты укладывают свои чемоданы. Они едут на юг, к солнцу, к траве. Они хотят отнять у зимы один месяц и использовать его для подготовки к предстоящим футбольным сражениям.

Команда динамовцев — чемпион страны — уже в полном сборе. В их составе есть несколько новых молодых игроков: вратарь Корчагов, нападающие Корцев и Бесков. Команда выезжает в Гагры. Там она имеет свою постоянную тренировочную базу, там, под руководством тренера Аркадьева, будет готовиться к сезону.

Спартаковцы заканчивают формирование команды. Их ряды также пополнились несколькими молодыми игроками. «Спартак», как и в прошлые годы, выезжает в Одессу, где построен новый, большой стадион общества.

Команда Центрального дома Красной Армии в этом году будет играть в измененном составе. Обновляется защита. В нападении будут играть Рева и Демин. Коллектив под руководством тренера Бухтеева выезжает на черноморское побережье. Туда же едут две сборные команды добровольных спортивных обществ профсоюзов, составленные из игроков «Торпедо», «Крыльев Советов», «Металлурга», «Локомотива», «Трактора», «Стахановца».

Весь март команды проведут на юге. В апреле начнутся календарные встречи на первенство СССР.

БЛОКНОТ СПОРТСМЕНА

Первым забеспокоились болельщики. Они пришли на малый стадион московского «Динамо» задолго до начала соревнования и, собираясь группами, начали вспоминать о спортивных поединках на льду с начала истории конькобежных первенств.

У огромных щитов, на которые нанесены имена 53 лучших скороходов страны, только и слышится:

— Помните состязания петербуржца Паншина с нашим москвичом Пуресевым?

— Помните единоборство Седова и Струнникова?

Болельщики готовы говорить о конькобежцах сколько угодно времени. Они напомнят вам, как несколько лет назад горьковчанин Лебедев в захватывающей борьбе обыграл на финише Якова Мельникова, как Мельников потряс зрителей переполненного стадиона «Динамо» победой над мировым чемпионом Стаксрудом, как ленинградец Калинин срывал победу у опытных москвичей.

Басовитый голос радио пригласил зрителей на каток. На ледяном паркете поплыли фигуры скороходов.

Бежит Аниканов. В легких, непринужденных движениях он выжимает чудесную скорость на льду. Он как бы прогуливается по сверкающему эллипсу беговой дорожки, демонстрируя отшлифованную технику бега.

На старте.

Свою конькобежную карьеру Аниканов начал несколько лет назад сенсационной победой над Я. Мельниковым в беге на 1500 метров. Пять лет держал он первенство страны. Он приобрел хороший темп «пятисотметровки», но не хватило выдержки в конькобежном «марафоне».

— Не удержаться ему за Мельниковым,— утверждали сторонники конькобежных «баталий», когда оба чемпиона—молодой и старый—вышли на старт 10-километровой дистанции.

Отшвартовались от линии старта. Пошли. Хорошо идет Мельников. С трудом сдерживая бушующую энергию, плывет рядом его молодой противник. Прошли десять кругов. Аниканов, не делая усилий, уходит вперед. Потом он дает тренированному спортивному сердцу сигнал «Полный вперед!»

Аниканов прекрасно идет самую длинную дистанцию. Он опасный противник для рекордсменов.

Широким, свободным, «русским» шагом отмеривает дистанцию чемпион Европы Альфонс Берзиньш — «гроза норвежских скороходов». Он так же, как и Аниканов, чудесный многоборец.

Очаровал москвичей пластикой бега другой рижанин — 19-летний Александр Табакс. Одетый в белое трико, он грациозно скользит по льду, как лебедь по зеркальной поверхности притихшего озера.

С неистощимой энергией, со спортивной «злостью» бежал ленинградец Николай Петров, до конца соревнования угрожавший и победителю Аниканову и Берзиньшу, занявшему на соревновании второе место.

Самый объективный в мире, московский зритель (это подтверждают все иностранные спортсмены, побывавшие в столице Советской страны) с одинаковым восхищением наблюдал бег нестареющего конькобежца Мельникова, своего любимца Аниканова, дорогих гостей Берзиньша, Лебедева, Табакса, Большакова.

И. Аниканов.

Три последние года проигрывали москвичи первенство страны. Потомок Пуресева, московский спартаковец Иван Аниканов вернул столице славу лучших конькобежцев страны, присоединив свою победу к тридцати трем выигрышам его предшественников.

Победитель 48-го первенства страны — абсолютный чемпион СССР И. Аниканов — опустил флаг соревнований.

СПРИНТ

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ДЕТСКИЙ ПРОТИВОГАЗ

Наша оборонная промышленность выпускает противогазы для детей от грудного возраста до 3 лет. Для детей грудного возраста сконструирован противогаз-конверт, а для детей от года до трех лет — противогаз-палатка, которая привязывается к кроватке. В конверт или палатку можно положить подушечку, пеленку, игрушки и питание. Целлоновое окно дает возможность наблюдать за ребенком, а резиновые перчатки (вделанные в противогазы) позволяют матери или няне подать что-либо ребенку или поправить его. Воздух накачивается в конверт и палатку при помощи меха, соединенного с противогазовой коробкой и гофрированной трубкой, ввинчивающейся в противогаз-конверт или же палатку.

На рисунке № 1 мы видим пятимесячного ребенка в противогазе-конверте, на рисунке № 2 — двухлетнего ребенка в противогазе-палатке. Дети, как видите, чувствуют себя хорошо и спокойно.

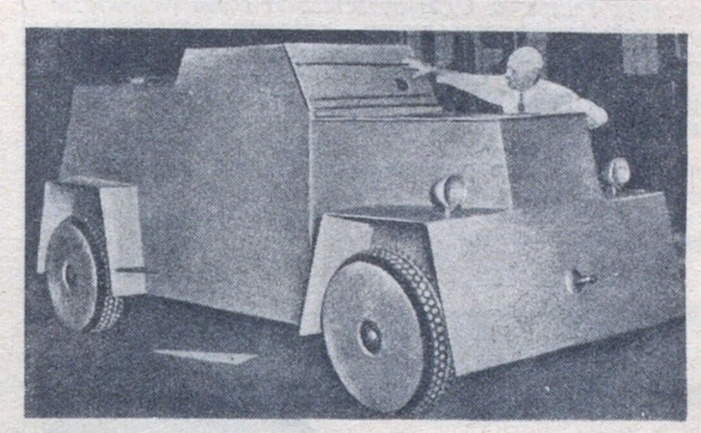
В. ПОЛИКАРПОВ

ЭКОНОМИЯ ДЕРЕВА

Ежегодно в Англии потребляется 125 миллиардов штук спичек. А дерево — дефицитное сырье в этой стране. Поэтому теперь там изыскиваются способы экономить дерево при производстве спичек. Предлагают изготовлять спички, зажигающиеся с обоих концов; затем — спички меньше и тоньше обычных, цементные спички; наконец, можно обходиться совсем без спичек, выпуская самозажигающиеся папиросы.

Такие предложения поступают, как пишет «Таймс», в специальный экономический отдел по контролю над расходованием дерева, существующий при министерстве снабжения. Эта организация экономит 350 тысяч тонн дерева в год и кроме того добивается экономии на снижении расхода дерева для второстепенных целей.

Так, экономия дерева достигается заменой деревянных ящиков для экспортных товаров (особенно спиртных напитков) волнистым картоном. Доски, на которые наматывается материя, заменены легкими проволочными рамами, что дает экономию в 15 тысяч тонн дерева в год. Дерево также заменяется в некоторых случаях фиброй.

АВТОМОБИЛЬ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В БРОНЕВИК

В технической литературе США обсуждается предложение о превращении в случае необходимости всех американских автомашин в броневики путем установки на шасси легковых автомобилей стандартной стальной брони толщиной в 1,25 сантиметра. Броню предлагается изготовлять нескольких размеров, приспособив ее к наиболее распространенным в США моделям автомобилей.

БОМБА-РАКЕТА

По сообщениям американской прессы, изобретатель Дж. Р. Фиш, из Уэст Спрингфилда (США), сконструировал авиационную бомбу-ракету, летящую с громадной скоростью — около 1500 километров в час. Механизм управления бомбы-ракеты приводится в действие звуковыми волнами, которые доносятся от моторов вражеского самолета и принимаются звукоуловителем, установленным на ракете и соединенным с механизмом управления.

Согласно теоретическим расчетам и опытам изобретателя, бомба-ракета несется за самолетом, следуя за всеми изменениями его курса. Быстро настигнув самолет, она взрывается с огромной силой.

СДЕЛАЙТЕ ЭТО САМИ

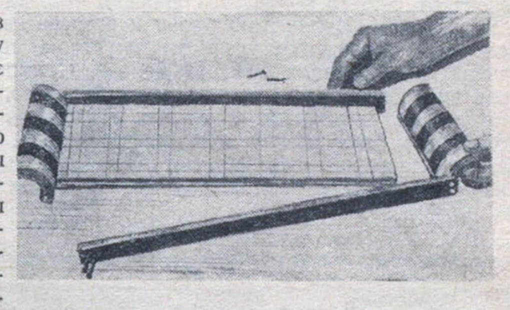
СТЕКЛЯННЫЙ ПОДНОС

Красивый поднос можно сделать из двух листов стекла с натянутыми между ними цветными шелковинками. Прежде всего нужно натянуть разноцветные шелковинки на нижнем листе стекла. Для этого под него следует подложить толстую бумагу и натянуть шелковинки так, чтобы со стороны стекла они образовали красивый узор, а завязаны были со стороны бумаги. По краям стекла шелковинки нужно плотно приклеить. Потом поверх шелковинок накладывается второй лист стекла, который временно склеивается с первым липким пластырем или просто связывается.

Длинные края подноса делаются из планок толщиной в 13 мм, шириной в 28 мм и длиной в 46 см. На высоте 5 мм от нижней грани каждой планки нужно вынуть желобок глубиной в 5 мм такой ширины, чтобы в него вплотную вошли оба листа стекла. На концах каждой планки нужно высверлить отверстия для болтов — металлических или деревянных,— которыми соединяются длинные и короткие края. Короткие края для упрощения работы можно сделать такими же, как длинные, и привинтить к ним небольшие металлические ручки или скобки, выкрасив их в один цвет с краями подноса. Но много красивее сделать их тоже из дерева, как показано на наших рисунках. Для этого в круглых деревянных чурках диаметром в 6,4 см высверливаются отверстия диаметром в 3,8 см и получившиеся таким образом кольца распиливаются пополам. Из половинок этих колец делаются короткие края подноса, служащие в то же время ручками. При данных нами размерах на каждую ручку идет девять половинок. Они или соединяются длинными болтами или склеиваются столярным клеем. Понятно, что все деревянные части нужно хорошо выстругать и почистить шкуркой.

Ручки особенно красивы, если они выполнены из разных пород дерева, отличающихся по цвету, или выкрашены в разные цвета, гармонирующие с цветом шолка, протянутого между стеклами.

Когда поднос собран, шелковинки и бумагу на нижней стороне подноса, а также липкий пластырь или веревки, которыми были соединены оба стекла, нужно обрезать бритвой.

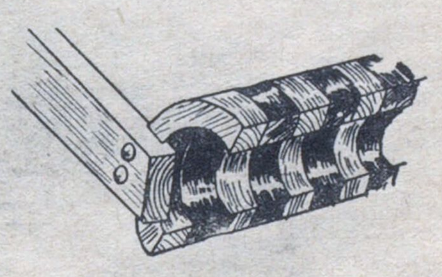

Рис. 1. Сборка подноса.

Рис. 2. Соединение длинного края с ручкой подноса.

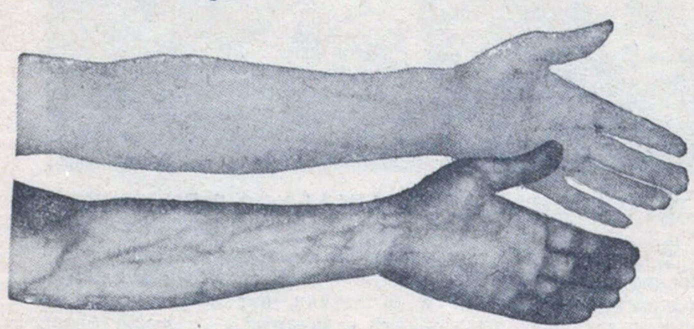
НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ КРОВИ

Для исследования нарушений кровеносной системы лаборатория физико-технических методик ВИЭМ применяет инфракрасные лучи. Исследования производятся при помощи двух аппаратов. Один представляет собой реконструированный фотоаппарат; второй — сложную, оригинальную конструкцию, называемую фотопенетрографом.

Фотопенетрограф сконструирован заведующим лабораторией Н. А. Волковым по идее старшего научного сотрудника терапевтической клиники Б. Е. Вотчал.

Многочисленные «сердечные болезни» проявляются часто в расстройстве кровообращения. Для установления точного диагноза и правильного лечения необходимо знать, насколько нарушено кровообращение и какие изменения вызвало оно в крови.

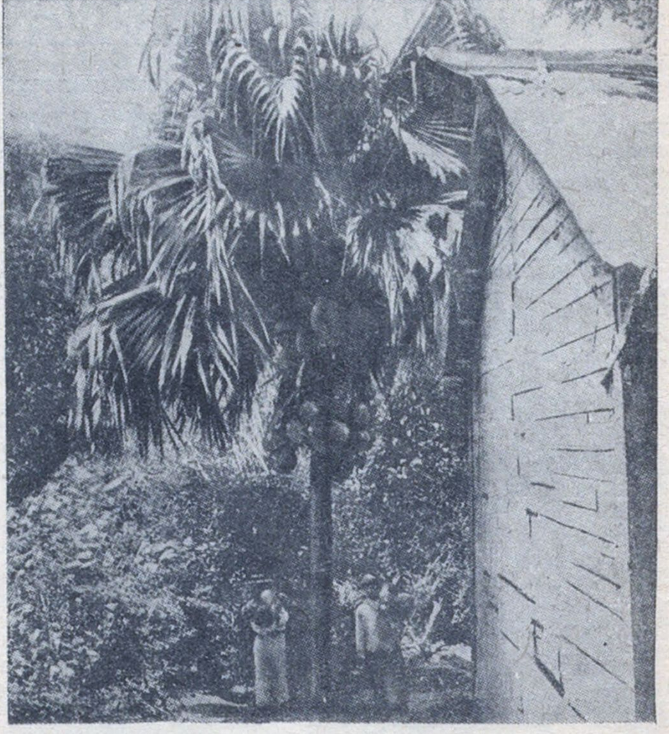
Нелегко выявить некоторые аномалии в кровообращении. Особенно, когда надо определить, насколько насыщена кровь кислородом. Для анализа приходится неоднократно брать кровь у больного. Новая аппаратура освобождает больного от страданий при исследовании крови и позволяет выявить перемены в ней, вызванные лечением.

В первом аппарате инфракрасные лучи, пройдя через кожу, освещают невидимую обычно паутину венозной системы и помогают обнаруживать скрытые расширения и закупорки вен.

Схема действия второго аппарата такова: в металлическом ящике перед особыми фильтрами расположены низковольтные электрические лампочки. Фильтры пропускают только инфракрасные лучи определенной длины волны. Больной кладет пальцы в отверстие аппарата. Лучи, пройдя через пальцы, попадают на фотоэлементы, где возникает электрический ток. Количество его пропорционально количеству лучистой энергии, прошедшей через пальцы, и зависит от общего количества крови и степени насыщения ее кислородом. Количество крови и степень насыщения ее кислородом фотопенетрограф фиксирует на светочувствительной бумаге ввиде ломаной кривой. Сравнивая кривые крови здорового человека с кривыми больного, специалист устанавливает различные аномалии. Пользуясь фотопенетрографом, можно, между прочим, установить, как реагирует человеческий организм на разреженность атмосферы и на ускоренные силы тяжести при высотных и скоростных полетах.

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ПЛОДЫ СЕШЕЛЬСКОЙ ПАЛЬМЫ

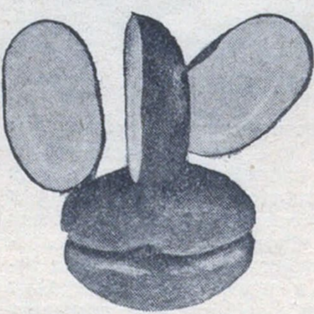

Плоды сешельской пальмы единственные в природе по своей величине и форме. Они имеют в поперечнике 37 сантиметров и представляют как бы два спаянных между собой ореха громадной величины. Вес такого плода, требующего для своего полного созревания 10 лет, достигает 16—20 килограммов.

До открытия Сешельских островов (часть Ост-Индского архипелага), являющихся единственным местом распространения пальмы, дающей такие удивительные плоды, сешельский орех был предметом религиозного культа. Принесенные морскими течениями к берегам Индийского океана, плоды сешельской пальмы занимали почетное место на алтарях индийских храмов, где служили символом вечной, неиссякаемой силы природы.

Эти необыкновенные плоды назывались «морскими орехами», и легенды, старавшиеся объяснить их происхождение, приписывали их какому-то чудесному дереву, растущему где-то под морем. Их наделяли чудодейственными свойствами, приписывали им силу талисманов и свойства исцелять от многих болезней. Содержимое ореха, имеющее в молодом возрасте консистенцию желе, очень вкусно и обладает возбуждающим свойством. До сих пор в индусской медицине плоды известны под названием медицинских, или молдивских, орехов.

«Морские орехи» пришлись по вкусу европейцам. За них, не колеблясь, платили большие деньги (500 рублей золотом за каждый).

Сешельская пальма — красивое дерево, со стройным, колоновидным стволом, высотой до 40 метров и кроной из веерообразных листьев. Пластинка листа состоит из лентовидных сегментов, сросшихся вместе и собранных в складки, но свободных по периферии. Длина листа — до 6 метров, ширина — до 2 метров. Сешельская пальма растет очень медленно и только на сотом году достигает полного расцвета. Пальма двудомна: початок мужских цветов и колос женских цветов располагаются на отдельных экземплярах. Мужских початков обычно бывает два, длиной до 2 метров, женских — 4—6, висящих на ножке в 20 сантиметров длиной.

Каждая пальма дает около 30 плодов. Первые 4 года плоды приобретают нормальный размер, остальные 6 лет зреют и только на десятом году достигают полной зрелости.

Г. КАПРАНОВА

ЧАРЛИ

Старый Эдвард умер скоропостижно. Чарли остался один. Он потерял хозяина, друга.

У каждого укротителя и дрессировщика есть свой метод работы, свой ключ к животному и свой шифр, то есть язык, на котором он разговаривает со своими птицами и зверями. Секрет своего метода и свой шифр старый Эдвард унес с собой в могилу.

Чарли знал только этот язык. Его раздражали другие люди, он злился, его били палками, выбили почти все зубы, железной вилкой проткнули небо. В нем опять проснулся зверь.

Чарли продали в нашу страну. Через несколько дней после его доставки в московский цирк в клетку к Чарли вошел Николай Петрович Волков. Он вошел без железной вилки. Кованая дверь захлопнулась за ним. Человек и зверь остались с глазу на глаз.

Волков работает в цирках свыше сорока лет. За эти годы он укротил, выдрессировал и подготовил для работы на манеже множество птиц, домашних животных, хищников.

И вот перед ним Чарли— разъяренный шимпанзе.

...Прошло три месяца. Николай Петрович и Чарли ежедневно встречаются как режиссер и артист.

Идет репетиция. Чарли готовится к дебюту. Он надевает смокинг и цилиндр, накидывает на плечи пелеринку. В руки берет стек. Через несколько мгновений он сидит в ресторане, за отдельным столиком. Нетерпеливо звонит, бьет в ладоши: «Кельнер, сюда!» Ему подают первое, второе, третье блюдо. Он с апетитом ест, ловко обращается с прибором. Ключом откупоривает бутылку с пивом. Пьет залпом... После сытного обеда ароматная папироса особенно вкусна, и он жадно курит.

Чарли выходит из ресторана. Ему подают велосипед. Он бежит за ним вприпрыжку и, взяв разгон, мастерски вскакивает на седло.

Ему бросают узенькую палочку. Он ловит ее. На палочку кладет черный мячик и снова налегает на педали. Мячик качается на самом кончике палочки. Затем он одной рукой ведет машину, а другой — на тонком острие камышинки быстро вертит тарелочку.

Номер подходит к концу. Он завершается великолепным трюком: на всем ходу Чарли, упершись головой в руль, делает сальто и идеально становится на ноги.

Аплодисменты. Репетиция окончена.

Ал. СВЕТЛОВ

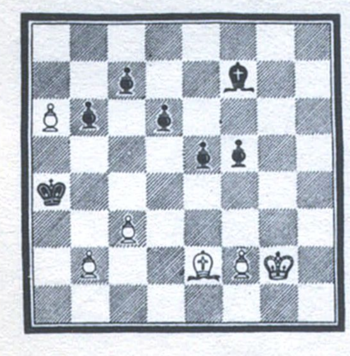

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

В конечной стадии шахматной партии — эндшпиле — комбинации встречаются сравнительно редко. Однако и здесь бывают примеры изящных комбинаций и маневров. Чаще всего они проводятся для образования проходных пешек или для проведения пешек в ферзи. Этюдная композиция создала немало красивых положений на эту тему.

Рассмотрим следующую позицию:

Единственный шанс у белых выиграть — провести пешку a6 в ферзи. Для этого нужно не пустить черного слона на диагональ h1 — a8, или получить возможность разменять его.

1. b2—b3 + ! Кpa4 : b3

Плохо бить слоном, так как после 2. c4 белые выигрывают. Очевидно, проигрывает и 1... Кpa5 2. b4 + Кpa4 3. c4 Ce8 4. b5, а на 1... Кpa3 решает 2. Cc4 Ce8 3. Cd5.

2. c3 — c4 Cf7 — e8
3. Ce2—f3 e5—e4

Этот вынужденный ход перекрывает диагональ h1—a8 и позволяет белым провести решающий маневр:

4. Cf3 — h5! Ce8 — c6

Если 4... С : h5, то 5. a7 Cf3 + 6. Кpg3 и выигрывают.

5. Ch5 — f7 ......

Угрожает 6. Cd5. Не спасает черных и 5... e3 + 6. Кpf1 с последующим 7. Cd5.

Остается единственная возможность

5. ...... Cc6 — a8
6. Cf7 — d5 c7 — c6
7. c4 — c5 + c6 : d5
8. c5 : b6 и выигрывают.

Решение позиций: «Огонек» № 1 за 1941 год.

1. Cf6, Ф : h5 2. Л : g7 +, Кph8 3. Л : f7 +, Кpg8 4. Лg7+, Кph8 5. Л : b7+, Кpg8 6. Лg7 +, Кph8 7. Лg5 + !, Кph7 8. Л : h5 и выигрывают.

«Огонек» № 2 за 1941 год.

1-я позиция: 1. Кg1!, a4 2. Кph3!, a3 3. Кph4, a2 4. h3 a1Ф. Белым пат.

2-я позиция: 1. К : h6 +, g : h 2. Фh8 + !!, Кp : h8 3. Кpf7, Лf8 + 4. Кp : f8 и 5. Cf6 мат.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ВРЕМЯ ИСТЕКЛО

Одним из древнейших приборов для измерения времени были водяные часы. Они появились в Греции в IV веке до начала нашего летосчисления. В этих часах время измерялось количеством воды, равномерно вытекавшей из резервуара, и буквально «текло». Отсюда и выражение «Сколько воды утекло с тех пор!»

РУСАЛКА

Как будто бы трудно найти более русское слово чем сказочное «русалка». А между тем происхождение его иностранное. В числе заимствованных у римлян языческих празднеств был и день роз — розалии,— в русском произношении ставший русалиями и приуроченный к троице. Отсюда и «русалки», по языческим поверьям, якобы выходившие в эти дни из рек.

ЛАУРЕАТ

По верованиям древних греков, покровителем искусств был Аполлон. С его культом было связано лавровое дерево. Поэтому победителей в состязаниях на празднествах, посвященных Аполлону, увенчивали лаврами — и они становились лауреатами (увенчанными лаврами). Позже лаврами стали награждать победителей и в других состязаниях, а потом и героев вообще.

НЕМЕЦ

Слепец — значит слепой. Немец — значит немой. В древней Руси всех иностранцев, не умевших говорить по-русски, называли немыми, немцами. Позже это слово закрепилось в языке как название только одного народа, а первоначальное его значение забылось.

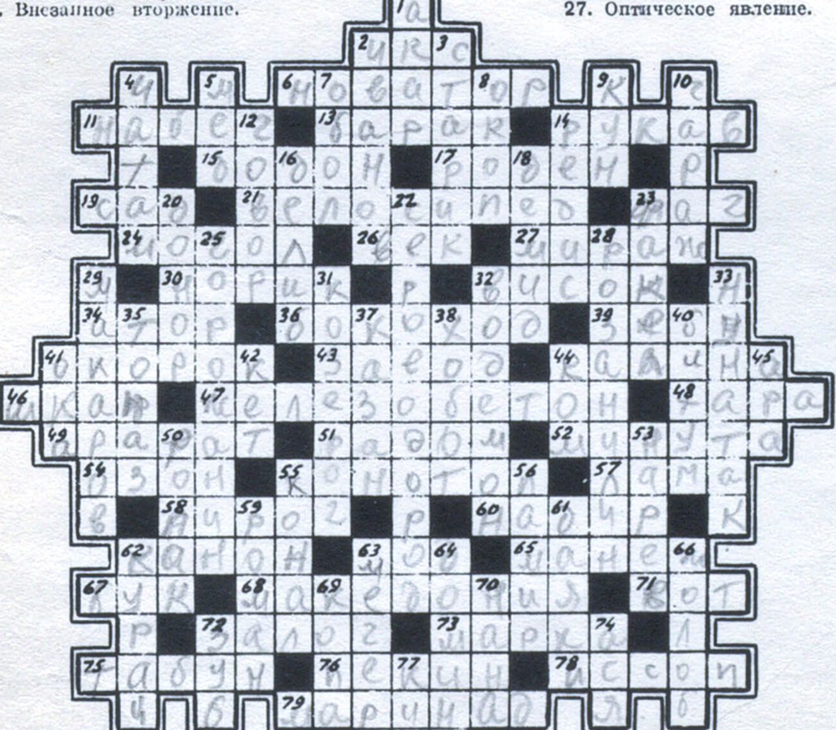
БЕДЛАМ

Бедлам — искаженное английское слово «Бетлехем», что значит Вифлеем. В старину благотворительным учреждениям давали названия по именам святых или по «святым» местам. Убежище для умалишенных, основанное в XIII веке близ Лондона, было названо Вифлеемом. Вскоре это название в искаженном виде стало в народной речи нарицательным для всякого неорганизованного, шумного сборища.

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. Шлезингер

По горизонтали:

2. Буква, обозначающая неизвестную величину в алгебраическом уравнении.
6. Человек, вносящий новые идеи и применяющий новые методы в какой-либо отрасли.
11. Внезапное вторжение.
13. Временная жилая постройка.
14. Шланг.
15. Персонаж из «Сказки о Золотом петушке» Пушкина.
17. Знаменитый французский скульптор.
19. Участок, засаженный плодовыми деревьями.
21. Самокат.
23. Снасть на корабле.
24. Титул династии, властвовавшей в Индии около трехсот лет.
26. Столетие.
27. Оптическое явление.
30. Название древнеримской провинции.
32. Часть черепа.
34. Египетская богиня.
36. Паук.
39. Горбатый бык.
41. Часть туши.
43. Промышленное предприятие.
44. Растение.
46. Мебель.
47. Строительный материал.
48. Упаковка.
49. Горы Армении.
51. Город польского генерал-губернаторства.
52. Единица времени.
54. Особая форма кислорода.
55. Город в УССР.
57. Животное.
58. Кулинарное изделие.
60. Точка небесной сферы, противоположная зениту.
62. Город в древнем Египте.
63. Судно, на котором экспедиция Амундсена вышла из Норвегии в 1918 году.
65. Место для верховой езды.
67. Дерево.
68. Древнее государство на Балканском полуострове.
71. Животное.
72. Форма глагола.
73. Денежная единица в Германии.
75. Стадо лошадей.
76. Бывшая столица Китая.
78. Растение.
79. Кушанье.
80. Вулкан на острове Минданао.

По вертикали:

1. Мучной клей.
2. Пьеса Чехова.
3. Человек преклонного возраста.
4. Город в Англии.
5. Напиток.
7. Древнегреческая монета.
8. Полевое укрепление.
9. Выкуп от кровной мести в Азии.
10. Помещение для автомобилей.
12. Местный диалект.
14. Огородное растение.
16. Французский оперный и балетный композитор XIX века.
18. Мужское имя.
20. Человек, дающий свою кровь для переливания другому с лечебной целью.
22. Газ.
23. Светильник.
25. Городской житель.
28. Краситель.
29. Русский адмирал.
31. Созвездие.
32. Деревня во французском департаменте Мерт и Мозель.
33. Горная вершина в Гренландии, выступающая среди ледяного покрова.
35. Самоцвет.
37. Котел для варки пищи.
38. Удлиненный носовой придаток у животных.
40. Название некоторых ископаемых углеводородных продуктов.
41. Река в СССР.
42. Вождь крестьянского восстания в Англии в XVI веке.
44. Кусок рыхлого, мягкого вещества, принявшего округлую форму.
45. Порода попугаев.
50. Льдина, стоящая ребром.
53. Приток Вислы.
55. Название ряда смол.
56. Нагорье в Азии.
59. Форма литературного произведения.
61. Индонезийские племена, населяющие внутренние области острова Борнео.
62. Башкирский музыкальный инструмент.
63. Богиня мщения у древних греков.
64. Маскарадный костюм.
66. Искусственный сток.
69. Старинная русская единица счета.
70. Произведение Золя.
72. Часть челюсти.
74. Произведение Тургенева.
77. Мера упаковки хлопка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 6 «ОГОНЬКА».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

6. Дивизия. 9. Пуля. 10. Райт. 11. Катер. 14. Ранжир. 16. Стропы. 17. Праща. 18. Макаров. 19. Наряд. 21. Равелин. 25. Лазарет. 28. Взвод. 30. Жар. 31. Дыба. 32. Окоп. 33. Дин. 34. Люнет. 35. Назарин. 37. Мелинит. 40. Есаул. 43. Гаубица. 44. Репер. 46. Ятаган. 47. Армада. 48. Шашка. 51. Шкот. 52. Фили. 53. Затылок.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Диск. 2. Фиат. 3. Шифр. 4. Оправа. 5. Фляжка. 7. Патрон. 8. Штопор. 12. Атака. 13. Егеря. 15. Роман. 16. Ствол. 17. Поражение. 20. Детонатор. 22. Взрыв. 23. Лидер. 24. Звено. 26. Запал. 27. Редан. 28. Вал. 29. Дот. 36. Наган. 37. Мнама. 38. Пушка. 39. Бивак. 41. Атташе. 42. Легион. 44. Рымник. 45. Подвиг. 48. Штаб. 49. Штык. 50. Азов.

Ответственный редактор ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-31-69. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

А 36123. 3 п. л. 3п. в п. л. 105 000. Подписано к печати I/III—41 г. Изд. № 284. Заказ № 686. Тираж 300 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 50 коп.

МАГАЗИН № 64 „ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ КНИГА“ Могиза

ИЗУЧАЙТЕ иностранные ЯЗЫКИ

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК на граммпластинках. 16 пластинок. Цена—56 р.

КАТЦЕР. Вводный фонетический курс к граммпластинкам. Цена—60 коп.

ГИЛЬБЕРТСОН и КАТЛОВКЕР. Английский язык. Основной курс к граммпластинкам. Цена — 6 руб.

ПЕТРОВА и ПОНТОВИЧ. Учебник английского языка для вузов и втузов заочного обучения. Вып. 1—4 (полный 1-й курс). Цена за 4 вып.—3 р. 75 к. Последующие 4 выпуска (2-й курс) выйдут в 1941—1942 учебном году.

СМИРНИЦКИЙ. Хрестоматия по истории английского языка. Цена—4 р. 15 к.

ПРОГРАММА Коммунистического Интернационала (со словарем). Цена—75 коп.

МИЛЛЕР и ОЗЕРСКАЯ. Англо-русский словарь для средней школы. Цена — 4 руб.

ШЕКСПИР. Гамлет. С комментарием. Цена — 4 р. 20 к.

УАЙЛЬД. Четыре сказки. Цена—1 р. 50 к.

УЭЛЛС. Страна слепых. Цена—75 к.

УЭЛЛС. Четыре рассказа. Цена—50 коп.

ИРВИНГ и ЛОНГФЕЛЛО. Три рассказа. Цена — 80 коп.

ДЖЕКОБС. Два английских рассказа. Цена — 1 руб.

КИПЛИНГ. Маугли. Цена — 65 коп.

МАГАЗИН ИМЕЕТ БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЛИТЕРАТУРЫ на иностранных языках, а также на языках народов СССР **(КРОМЕ РУССКОГО).**

Книги высылаются наложенным платежом.

При заказе на граммпластинки необходим задаток в размере 25 рублей. **Заказы направлять по адресу:** Москва, Кузнецкий мост, 18. Магазин **№ 64.**

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ КНИГА» Могиза (тел. К 1-20-21).

ОТДЕЛ ОБ'ЯВЛЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРАВДА“

ПРИНИМАЕТ ОБ'ЯВЛЕНИЯ от государственных и общественных организаций для помещения в журнале

«ОГОНЕК»

ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ ВЫЗЫВАЙТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ: в МОСКВЕ по телефону **Д-3-30-12** или по адресу: ул. «Правды», 24. **В ЛЕНИНГРАДЕ** по тел. 1-92-45 или по адресу: Херсонская, 12, отделение Изд-ва «Правда».

СЕЛЬХОЗГИЗ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1941 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

„КРОЛИКОВОДСТВО И ЗВЕРОВОДСТВО“

Орган Наркомзема СССР

●

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН: на заведующих и бригадиров кролиководческих и звероводческих хозяйств, районных инструкторов, рабочих, колхозников и служащих, занимающихся кролиководством и звероводством.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: борьба за развитие советского кролиководства и звероводства, за развертывание стахановского движения, популяризация достижений науки и практики, техучеба кролиководов и звероводов.

●

Подписная цена:

На год 15 руб. 00 коп.
На 6 мес. 7 руб. 50 коп.
На 3 мес. 3 руб. 75 коп.

Подписка принимается всюду почтой, «Союзпечатью», почтальонами и магазинами Когиза.

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ“

ВЫПУСКАЕТ ПРЕПАРАТ

Лосьон и крем «ЮНО»,

ИЗГОТОВЛЕННЫЕ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ

ЛОСЬОН и крем „ЮНО“ применяются также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяек и пр.).

ЛОСЬОН и крем „ЮНО“ оказывают благотворное влияние при дряблости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие их на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

ЛОСЬОН и крем „ЮНО“ имеют приятный запах, быстро всасываются и успешно применяются при жирной и особенно сухой коже.

ЛОСЬОН и крем „ЮНО“ быстро освежают и успокаивают раздражение кожи после бритья.

ЛОСЬОН и крем „ЮНО“ применяются очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ

Торгующим организациям рекомендуем заблаговременно присылать нам в/заказы на Лосьон и крем „Юно“, каковые нами будут немедленно выполнены.

МОСКВА, 133, Калужская застава, д. 36-а, „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ“.